

В.Л. Янин



Берестяная почта столетий





ВАЛЕНТИН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ЯНИН — советский историк и археолог, член-корреспондент Академии наук СССР с 1966 г. Родился в 1929 г., окончил Московский университет в 1951 г. по кафедре археологии, где с тех пор и до настоящего времени работает сначала научным сотрудником, а затем профессором. Научные работы В. Л. Янина связаны главным образом с историей средневекового Новгорода, но также с изучением древнерусских монет и печатей.

По окончании первого курса исторического факультета он впервые принял участие в новгородских раскопках, а с 1962 г. является руководителем Новгородской археологической экспедиции Московского университета и Института археологии Академии наук.

За эти работы в 1970 г. В. Л. Янин был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Он также награжден орденом «Дружба народов».

В. Л. Янин

Библиотечка
Детской
энциклопедии



Берестяная почта столетий

Редакционная
коллегия:
И. В. Петрянов
(главный редактор),
И. Л. Кнулянец,
А. Л. Нарочницкий



Москва
«Педагогика», 1979

ББК 63.3 (2) 43
Я 62

Янин В. Л.

Я62 Берестяная почта столетий. — М.: Педагогика, 1979. — 128 с., с ил. (Б-чка Детской энциклопедии «Ученые—школьнику»).

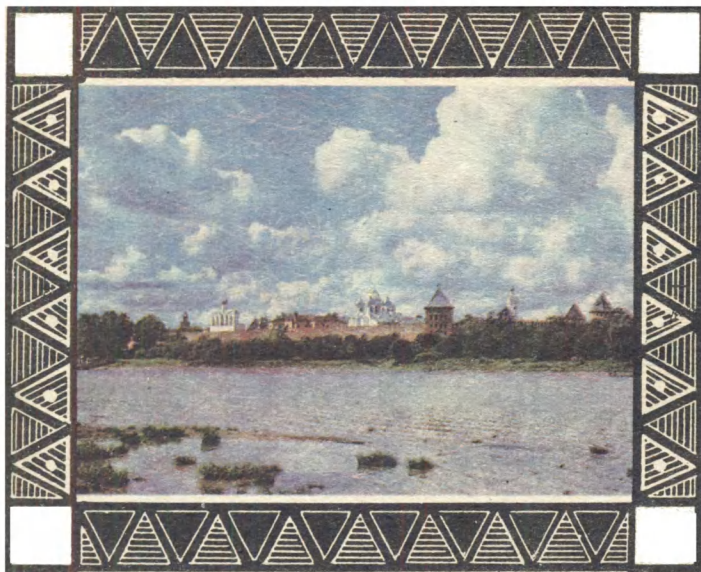
ИСБН

Книга члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина посвящена истории открытия и изучения новгородских грамот на бересте. Подавляющее большинство этих древних документов составляют письма новгородцев-горожан и жителей сел. Переписка позволила ученым проникнуть в недоступный ранее мир повседневных забот новгородцев, расширив круг изучаемых историками проблем и изменив общее представление о путях развития средневекового Новгорода.

Книга о берестяных грамотах — это рассказ о важнейших процессах истории Новгорода, сделавших этот город одним из важнейших центров экономики, политики и культуры средневековой Европы.

Я 60700-007 49-79. 4802 000 000
005(01)-79

ББК 63.3 (2) 43
9 (с) 13



Новгород глазами археолога

В старину говорили: «Где София — тут и Новгород». И эти слова вспоминаются не только у стен Софийского собора, а уже за восемь — десять километров до города, когда еще только предвкушаешь очередную встречу с ним. Потому что золотой купол Софии виден издалека. Он венчает плоский силуэт Новгорода, нестерпимо сияя под солнцем, как перо жар-птицы, уроненное на самом краю зеленых далей.

А стоя у подножия кремлевских стен Новгорода, в каких-нибудь ста метрах от Софийского собора, видишь прежде всего эти дали, которые подступили к

Вид на новгородский Кремль

городу так близко, что уже перестали быть далями, а стали городом, или, вернее, город стал их частью. И в этой неразрывности города и окрестных лугов, в нерасторжимости жилых кварталов и не тронутого рукой человека ландшафта заключена не только берущая человека в плен красота, но и движущая сила истории Новгорода, сделавшая его в эпоху средневековья одним из крупнейших центров Европы.

Во все века своей истории Новгород был не просто городом, жившим отличным от деревни образом. Он был центром громадной округи, которая простиралась на многие сотни километров вокруг него, и владение этой округой было главной основой его экономического процветания, политических успехов и культурного развития. Власть над новгородской землей Новгород не делил ни с кем. И другим городам, основанным здесь новгородцами, с самого начала была отведена только одна роль — служить крепостями на дальних подступах к столице. Лишь Ладога и Русса были также городами в полном смысле этого слова, и новгородцы бдительно следили за ними, отправляя к ладожанам и рушанам посадников-новгородцев, чтобы не повторился опыт Пскова, который некогда входил в состав Новгородской земли, но затем обрел независимость.

Отними у Новгорода его земли, и город погибнет, лишившись питающих его соков. Это прекрасно понимали новгородцы, запретив приглашаемым к ним князьям владеть землями на большей части новгородских владений. Это хорошо понимали и соперники Новгорода: подчинение Новгорода Москве началось с отвоеваания у него наиболее важных для существования города территорий.

Распространив на сотни километров свою власть, сам Новгород не имел, однако, возможности значительно расширять территорию собственно города. Он окружен с трех сторон заливными лугами, боло-

тами, низменными местами, в которые уже к концу XIV в. уперлась его застройка. Не мог он тогда продвигаться и в четвертую сторону — на север, где были удобные для освоения участки. Здесь с древности обосновались крупнейшие монастыри, ревниво охранявшие свои подгородные владения.

Сегодня город значительно расширился в северном направлении, но естественные условия положили шесть веков назад рубеж его продвижению во все другие стороны. И именно поэтому современный человек видит из древнего центра Новгорода те же луга, озера и речки, которые открывались глазу многих поколений наших предков. В большинстве других случаев древние города, продолжая жить и сегодня, стирают новыми постройками древний окрестный ландшафт. В Новгороде этого не случилось. Древний городской вал и сегодня, как шесть веков назад, служит границей города и земли.

Избрав для жизни небольшую возвышенность у берегов Волхова, первопоселенцы Новгорода укрылись за реками и болотами от военных опасностей, и этот естественный щит верно служил в будущем. В XIII столетии в ста километрах от Новгорода на краю «мхов» остановилось нашествие Батыя. В 1941 г. фашистскому наступлению на северо-восточном направлении был положен предел на Волхове и Ильмене, у Новгорода и Старой Руссы. Но обжитая возвышенность на Волхове не только укрытие. Это также ключ к главным водным путям русского Северо-Запада. Дороги в Византию и на арабский Восток, в Скандинавию и южную Прибалтику скрещивались здесь, у северной оконечности Ильменя. И удобства защиты города от врага сочетались с удобствами непрерывного общения с друзьями, превращали укрытую в болотах крепость в открытый всем товарам, языкам и новостям центр русской и международной жизни.

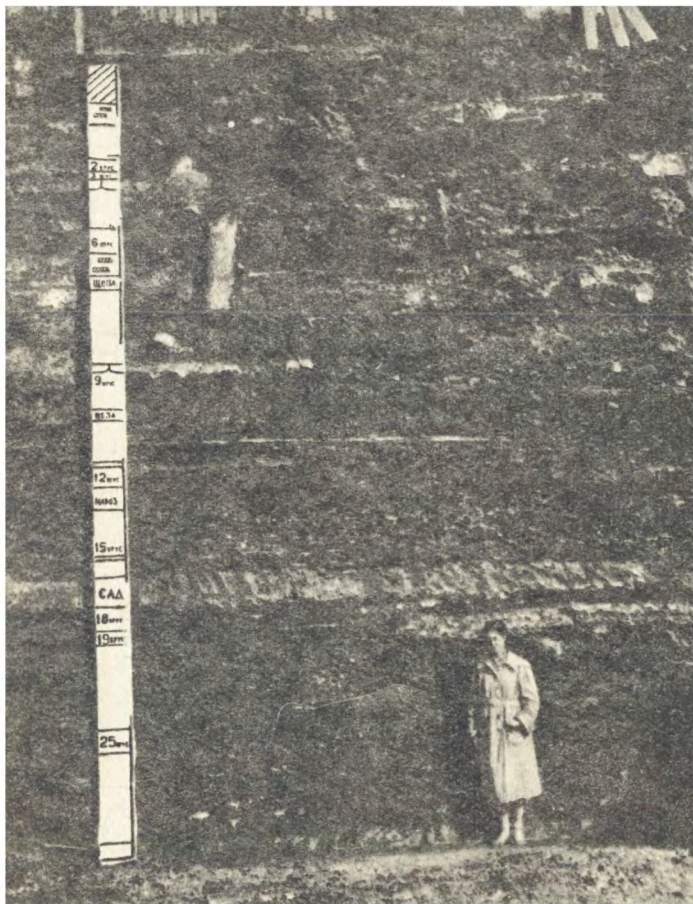
Софийский собор.
Середина XI в.



Однако сколько же неудобств сопутствовало горожанину в этих благоприятных условиях. Возвышенность среди болот, на которой обосновались первоначальники Новгорода, была системой рассеченных речками плоских холмов, сложенных из плотной водонепроницаемой глины. С поверхности холмов талые и дождевые воды скатывались в эти речки и в Волхов, не проникая в грунт. Но с момента поселения здесь первых жителей началось неизбежное образование культурного слоя — отложение разнообразных остатков жизнедеятельности человека: щепы, пищевых отходов, золы, угля, обломков, отслуживших свой срок вещей, строительного мусора. От десятилетия к десятилетию этот слой становился все толще. Люди возводили на нем дома и прокладывали улицы, ступая буквально по грязи, потому что талые дождевые воды, продолжая уходить в речки и Волхов, насыщали теперь до отказа культурные напластования, не имея стока сквозь материковую глину. И даже тогда, когда на отдельных участках города слой к XIV—XV вв. достиг мощности в шесть-семь метров, вся эта толща по-прежнему оставалась до предела влажной, мешая людям ходить по своим усадьбам и ездить по своему городу.

Сама организация нормальной жизни требовала от горожан постоянных дополнительных расходов. Начиная с середины X столетия стало обязательным мощение улиц. Мостовые сооружались из мощных сосновых плах, уложенных на длинные лаги. Такие мостовые могли бы служить многие десятилетия. Но проходило 20—25 лет, по сторонам нарастал культурный слой, грязь начинала выплескиваться на мостовую, и нужно было укладывать новый ярус лаг и плах на предыдущий ярус, еще способный служить многие годы. Культурный слой постепенно заполнял русла небольших речек, нужно было их гатить, заключать в деревянные трубы. Нельзя было в боль-

За 1100 лет существова-
ния Новгорода отло-
жился культурный слой
толщиной в 8 м.



шинстве мест рыть колодцы: в них просачивалась бы грязь из верхних напластований. Нельзя было рыть погреба: они сразу бы заполнились водой. Нельзя было заглублять фундаменты деревянных домов: дома ставили на подкладках на поверхности земли, чтобы изолировать их от влаги.

И те же неудобства создали идеальные условия для исследования древнего Новгорода. Повышенная влажность новгородского культурного слоя препятствует проникновению в глубь его воздуха. Это значит, что в почве Новгорода отсутствует сама возможность возникновения бактерий, вызывающих процессы гниения органических веществ. Любой деревянный предмет — будь это плаха мостовой, бревно сруба, ложка или рыбацкий поплавок, — оказавшись в земле, сохраняет форму, ничего не утрачивая, а лишь впитывая в себя влагу. Такими же сохранными оказываются кожаные и костяные изделия. Именно благодаря прекрасной сохранности органических веществ культурный слой Новгорода особенно толст. В большинстве других древних городов деревянные предметы превращаются в тлен, культурные напластования уплотняются и делаются сравнительно тонкими.

Чтобы оценить способность новгородской почвы сохранять в себе древнее дерево, вообразим на минуту, что мы находимся в музейном зале, демонстрирующем, например, культуру средневекового Киева. В витринах мы видим каменные и стеклянные вещи, металлические и глиняные предметы, но в них нет изделий из дерева. А между тем именно дерево на протяжении всей истории человечества, начиная с палеолита и почти до сегодняшнего дня, было главным поделочным материалом. Из него изготавливали большинство окружавших человека вещей. Деревянные городские укрепления защищали деревянные дома, а дома были наполнены деревянными предме-

тами. Не видя этих предметов в музее, мы можем составить лишь очень приблизительное представление о древней культуре, основанное на случайно дошедших до нас вещах. В Новгороде же сохранялось все, чем пользовались люди в своем быту, — естественно, все, что не сгорало в пламени многочисленных и опустошительных пожаров, этой неотвратимой беды всех деревянных городов.

В почве Новгорода сохраняются не только все древние предметы, но и исторические взаимосвязи между ними. Культурный слой, если его разрезать по вертикали, напоминает гигантский слоеный пирог. В нем чередуются по-разному окрашенные прослойки. Когда на заре существования города возникают его древнейшие усадьбы, то прежде всего на нетоптанную раньше траву тонким слоем ложится пахнущая смолой щепка первых жилых и хозяйственных построек. Затем поверх этой прослойки ложатся напластования повседневных бытовых отходов. Когда усадьба гибнет от пожара, возникает новая прослойка — разровненного пожарища. Но уже снова стучат топоры, и снова на мертвый слой золы и угля летит смолистая щепка новых домов. И так из века в век. Легко представить себе, что все предметы, оказавшиеся внутри одной и той же прослойки, попали в землю на протяжении сравнительно короткого промежутка времени, практически одновременно. Изучая их вместе, сопоставляя их с остатками именно тех домов, в которых жили люди, державшие эти предметы в своих руках, мы получаем возможность реконструировать конкретный быт конкретных людей в условиях вполне конкретного времени.

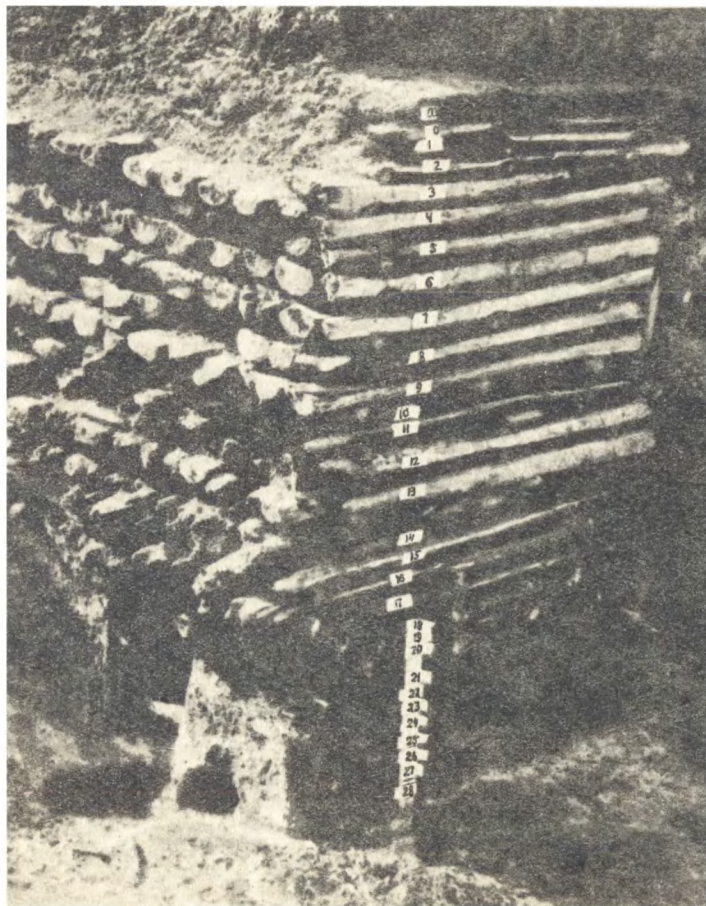
И само это время исследователи научились отсчитывать при помощи «деревянных часов». Во время раскопок древней Великой улицы Новгорода на ней было последовательно расчищено 28 ярусов сосновых мостовых, древнейший из которых относится к

X в., а самый поздний — к XV в. Если эти 500 лет разделить на 28, мы получим среднюю продолжительность существования одного яруса мостовой — 17—18 лет, что позволяет сделать приблизительный расчет. Допустим, расчищается пятнадцатый ярус мостовой. Он отстоит примерно на 250—260 лет от первого, а это соответствует первой половине XIII в. Очевидно, что к этому времени мы должны отнести все прослойки со всеми содержащимися в них вещами, расположенные на уровне мостовой пятнадцатого яруса.

Это грубые «часы», показывающие примерное время. Однако существует и «деревянный хронометр», который называется методом дендрохронологии. Название метода происходит от древнегреческих слов «дендра» — деревья и «хронос» — время и переводится как «определение времени по дереву».

В основу этого метода положено следующее наблюдение. Каждый год, отличаясь условиями погоды от предыдущего, всякий раз иначе влияет на развитие дерева. В неблагоприятное для роста дерева лето годовое кольцо прироста древесины бывает узким, в благоприятное лето оно оказывается широким. Поэтому на срезе дерева по годовым кольцам можно не только подсчитать его возраст, но и рассматривать этот срез как навсегда запечатленную картину движения климата из года в год на протяжении жизни дерева. Составив график погодных изменений климата, например за последние полторы тысячи лет, возможно срез любого найденного в земле бревна сравнить с таким графиком и установить точно, в каком году это дерево было срублено. Если целая уличная мостовая состоит из плах, срубленных в 1223 и 1224 гг., значит, ее настелили в 1224 г. Именно так датируется пятнадцатый ярус мостовой Великой улицы, который по «грубым часам» был датирован первой половиной XIII в.

Новгородский
«хронометр». Нижний,
28-й ярус датируется
954 г.



Новгород, как видим, не только сохраняет в своей почве исчерпывающий набор древностей, но и дает возможность самым точным образом их датировать. Реконструировав по остаткам построек целую усадьбу, наполнив ее найденными здесь же вещами, определив время ее существования, мы можем сравнить ее с усадьбами, возникавшими впоследствии на том же самом месте, и, как на киноленте, наблюдать жизнь небольшой ячейки города на протяжении многих веков.

Можем мы, оставаясь в пределах одной непродолжительной эпохи, сравнивать одновременно существовавшие усадьбы разных владельцев и делать выводы об их принадлежности к определенным классам и сословиям Новгорода. Постепенное расширение этой картины — и по вертикали, и по горизонтали — охватывает весь средневековый город в живых деталях исторического процесса его развития.

Исторические взаимосвязи древностей, сохраняющиеся в культурном слое, легко разрушить. Если на месте древних комплексов начинается строительство каменных зданий с мощными фундаментами, очевидно, что их котлованы навсегда уничтожат попавшие в зону строительства участки культурного слоя. Если эти участки раскапываются археологами поспешно, без подробной фиксации обнаруживающихся древностей на чертежах, без тщательного описания того, что открывается взору, то, даже собрав все вещи из культурного слоя, наука не получит необходимого представления об их связях друг с другом.

Фундаментальное строительство началось задолго до того, как археологи стали заниматься раскопками древних городов, и очень многое было утрачено для науки в XVIII и XIX вв. Такие утраты понесла, например, Москва, где линии домов, образующие современные улицы в древней центральной части города,

прошли по линиям застройки древних улиц, разрушив их комплексы глубокими подвалами.

Новгород таких утрат почти не испытал. В XVIII в. здесь была сделана перепланировка улиц. На смену исторически сложившимся кварталам пришли прямоугольные регулярные кварталы, образованные прямыми заново проложенными проспектами. Новые улицы во многих случаях прошли по территории древних пустырей и усадебных задворков, а под современными дворами остались лежать непотревоженными средневековые деревянные мостовые. Именно к ним тяготели и основные жилые и хозяйственные постройки древних усадеб.

Об одной существенной археологической утрате все же придется сказать. В конце XVII в. в Новгороде решили наконец покончить с раздражающей влажностью. Была сооружена разветвленная дренажная сеть подземных деревянных труб, отводящих дождевую воду в Волхов. Кстати, эта сеть и сегодня на некоторых участках продолжает действовать. Стало, конечно, суше, но трубы осушили слои XVII, а потом XVI в., и в них все сгнило, превратившись в пыль. Об этом в наши дни постоянно вспоминают, закладывая в землю новые дренажные системы. Ведь может случиться так, что воздух проникнет и в более древние слои, на которых стоит Новгород, и мы потеряем многие древности, так и не увидев их.

Зная теперь все, что только что рассказано, мы с иными чувствами пройдем по современной улице Новгорода. Мы ощутим теперь, что асфальт ее мостовых и тротуаров не только плоскость, лежащая под ногами пешеходов и колесами автомашин, но и крыша, покрывающая многоэтажный древний город. Мы пройдем по ней, еще не ведая, какие сокровища знаний о прошлом будут найдены в свой срок вот в этом дворе или под тем перекрестком, но уже не сомневаясь в том, что и во дворе, и под перекрестком буду-

щего археолога ожидает увлекательная и важная встреча с давно ушедшим временем. Мы сможем спуститься на дно раскопа и оказаться на усадьбе давно забытого потомками новгородца, в окружении принадлежавших ему некогда вещей.

Археологи входят на усадьбы древних новгородцев пятьдесят лет. В 1929 г. Артемий Владимирович Арциховский организовал здесь первые раскопки, а с тех пор они не прекращаются. И будут продолжаться еще многие десятки лет. Принятый недавно общесоюзный «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры» требует, чтобы в городах, имеющих древний культурный слой, всем строительным работам предшествовало археологическое исследование. И до тех пор, пока наука не получит в свое распоряжение всего, что еще сохраняет подземный Новгород, котлованы новых зданий будет вскрывать не бульдозер и не экскаватор, а лопата археологов.

Но именно Новгород всегда будет стоять в начале списка таких охраняемых законом городов. Неповторимые условия великолепной сохранности древних исторических остатков могли ведь наблюдаться в каком-нибудь третьестепенном центре, сохранив лишь свидетельства малозначительного, захолустного бытия его жителей. В Новгороде эти условия сочетаются с непреходящей славой одного из главнейших центров Древней Руси. И на усадьбу средневекового новгородца археологи входят не только для того, чтобы представить себе ее бывшего владельца в привычной для него обстановке, но прежде всего в поисках ответа на труднейшие вопросы истории Древней Руси. Таких вопросов множество. И число их не уменьшается, а увеличивается с каждым сезоном раскопок. Решение одних проблем вызывает к жизни постановку других — больших и малых. И порой уточнение, казалось бы, маловажной детали поро-

ждает цепную реакцию переоценки давно устоявшихся мнений и пересмотра того, что представлялось давно и навсегда решенным, устоявшимся и не вызывавшим сомнений.

Все эти большие и малые вопросы оказываются лишь частями нескольких крупных проблем, имеющих важное значение для понимания больших закономерностей истории. Вот, к примеру, одна из проблем.

В средневековом Новгороде сложилась особая форма политического строя. В то время как в подавляющем большинстве других центров Руси правили князья, существовал монархический образ правления, в Новгороде в эпоху его расцвета князь не был главой государства. Верховная власть в нем принадлежала крупнейшим землевладельцам — боярам, местным аристократам, из среды которых на вече избирались руководители государства — посадники. На вече формировались и другие органы государственного управления. И этот порядок превращал Новгородское государство в республику бояр. «Великой русской республикой средневековья» называл Новгород Карл Маркс. Почему в Новгороде сложился республиканский строй? Кто имел право участвовать в вечевом собрании? Зачем новгородцы, избирая своих руководителей, приглашали и князя со стороны, оставив за ним пусть ограниченную, но все же важную сферу власти? Какова была сама роль этого князя? Какую роль в развитии культуры Новгорода играл республиканский строй? Что в Новгороде составляло его особенность, отличную от других русских городов? Что, наконец, в нем может быть использовано для характеристики русского средневековья в целом?

Или другой круг вопросов. Известно, что Новгород делился на пять самоуправляющихся районов — **концов**. В каждом из этих концов было свое вече и

выборные на нем власти. Из представителей концов формировались на общегородском вече и органы верховной власти Новгорода. Но эти концы находились в сложных отношениях друг с другом. Иногда один конец выступал против другого с оружием в руках. Порой в Новгороде начиналась междоусобица, в которой несколько концов в союзе друг с другом выступали против остальных концов, и Великий мост через Волхов, соединявший обе стороны города, разъединял их, превращаясь в место боевой схватки. Такие отношения продолжались вплоть до присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. Что такое конец? Как он возник? Как образовался столь противоречивый союз концов, т. е. сам Новгород? Не связана ли история этой административной системы с ответом на главный вопрос, уже поставленный выше: почему в Новгороде сложилась республика, а не монархия?

Эти и сотни других вопросов волнуют исследователей уже давно. Но только в последние пятьдесят лет историки вооружились лопатой, оставляя на лето библиотеки и архивы. Почему же изменилось само направление поиска? Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассказать о том, как вообще исследователи узнают о событиях прошлого.



Откуда мы знаем о прошлом

Все, что содержит в себе информацию о минувшей жизни человека, называется историческими источниками. Это очень точное понятие. Из источников, как известно, текут ручьи и речки, образуются реки и озера. Из исторических источников текут реки знаний, но из маленьких источников — только небольшие ручейки знаний. Сливаясь друг с другом, они образуют поток, черпая из которого мы, естественно, обнаружим в нем только то, что ему дали образовавшие его источники.

Вид на Ярославово Дворище

Самый крупный источник знаний о русском средневековье — летопись, а для истории Новгорода — Новгородские летописи. Древнейшая из дошедших до нас написана в XIII—XIV вв., но она повествует и о более ранней эпохе. Источники самой летописи разнообразны. Ее составители пользовались записями своих предшественников, но не пренебрегали и легендами. Рассказывая о временах им близких, летописцы бывали точны, а повествуя о той старине, которая была седой и для них, целиком зависели от точности или неточности использованных ими материалов. Иными словами, летописный рассказ требует постоянной проверки. Такую проверку возможно сделать, сравнивая между собой рассказы разных летописей об одном и том же событии. Если эти рассказы совпадают, по-видимому, им можно верить. Но ведь бывает и так, что разные летописцы пользуются одним общим источником, лишь пересказывая его всякий раз своими словами. При таком допущении проверить правильность летописного сообщения можно, лишь обратившись уже не к летописи, а к другому источнику, существовавшему самостоятельно, совершенно независимо от летописи. Чаще всего исследователи умеют находить доказательства правильности или неправильности летописного сообщения. Однако у летописей имеется и другой существенный недостаток.

Разумеется, летописи вмещают колоссальное количество необходимых историку сведений. Если бы мы не знали летописей, у нас вообще не было бы сколько-нибудь систематических знаний истории русского средневековья. Но летопись содержит далеко не все, что нужно знать современному историку в первую очередь. Летописец всегда тяготел к необычному. Он стремился писать о том, что выходило за рамки повседневности. Его интересовали военные походы и победы, объявления войны и

заклучения мира, избрание и изгнание князей, смена епископов, строительство церквей. Он охотно рассказывал о поражающих его воображение солнечных и лунных затмениях, появлении комет и падении метеоритов. Своим трагическим пером он живописал страшные эпидемии и массовые голодные смерти от неурожая. Но он не записывал то, что казалось ему общеизвестным. Зачем говорить о вещах, хорошо известных отцу, деду и прадеду? Медленные процессы общественного развития, которые становятся видны на значительном удалении, ускользали от его внимания потому, что вблизи явления, развивающиеся неспешно, представляются неподвижными. Когда нужно было сказать о том, что его современникам было общеизвестно, летописец ссылался на «старину и пошлину», т. е. на то, как было раньше или же было всегда. Вот пример такой ссылки на старину.

В Новгороде князья не наследовали свою власть от отца, а приглашались по вечевому решению. Между новым князем и республиканским Новгородом всякий раз заключался договор, в котором точно оговаривалось, что князь имеет право делать, а чего не имеет, поскольку, в отличие от других городов, в Новгороде он не был центральной фигурой власти. Такие договоры частично дошли до нас, но самый ранний относится только к середине XIII в. Казалось бы, прочитав подобный договор, легко определить место князя в системе управления Новгородом, но историки до сих пор по-разному определяют это место. И только потому, что самое главное в договорах скрыто понятной для современников, но туманной для нас формулой: «Целуй, княже, крест на чем отец твой целовал и дед и прадед», т. е. «Клянись, что ты будешь княжить на тех же условиях, что твои предки». Сами эти условия в договорах не повторялись. Они тогда были общеизвестны и назывались «Правдой Ярослава». Но возникли-то они в первой

половине XI в., когда систематического летописания еще не было, а в летопись проникло только известие о том, что в награду за помощь на войне Ярослав Мудрый дал новгородцам «Правду и Устав», т. е. закон, в котором князь вынужден был поступиться частью своей власти в пользу новгородского боярства. В чем конкретно состояло это ограничение власти, летописец так и не счел нужным рассказать.

Сообщая о голодных годах, летописец называет, например, высокие цены на хлеб, но какими были эти цены в обычных условиях, мы из летописи не узнаем. Материальные богатства Новгорода из века в век создавались крестьянами и ремесленниками, но в летописи нет сведений о том, как крестьянин пользовался землей, в каких отношениях он находился с землевладельцем, как развивались технические навыки ремесленников, откуда они брали сырье для своих изделий, как они продавали их, каким был их заработок. Упомянув множество боярских имен, летописец не дает представления о величине земельных владений бояр. Более того, еще недавно историки, хорошо знавшие летопись, считали, что бояре и купцы — одно и то же.

Новгород прославлен многими сохранившимися до сегодняшнего дня шедеврами архитектуры и живописи, сделавшими его местом паломничества туристов буквально из всех стран мира. Но из летописи мы знаем только, что собор Юрьева монастыря в начале XII в. был построен мастером Петром, а фрески конца XIV в. в церкви Спаса на Ильине улице написаны великим художником Феофаном Греком. Имена творцов других прекрасных зданий, фресок и икон не запечатлены летописцем. Можно было бы бесконечно приводить подобные примеры, говорящие о том, что современный историк, стремящийся представить себе по возможности полную картину прошлого, слишком многого не найдет в летописи.

Если летопись при всех ее умолчаниях остается рекой знаний, то другие источники, сливающиеся с ней, можно уподобить небольшим речкам и ручьям. Они несут в себе чаще всего чистую, незамутненную воду, будучи по существу первоисточниками знания, но знания, всякий раз предельно ограниченного самими особенностями источника.

Возьмем в качестве примера **писцовые книги**. В конце XV в., вскоре после присоединения Новгорода к Москве, московский великий князь Иван III, чтобы окончательно ликвидировать стремление новгородцев к независимости, переселил всех крупных местных землевладельцев в московские города, а их земли отдал переселенным в Новгород москвичам. После этого были составлены писцовые книги, в которых переписаны все новгородские сельскохозяйственные угодья с указанием и новых и старых их владельцев, с цифрами доходности и определением налога с каждого владения в пользу великого князя. Эти книги дошли до нас, но, к сожалению, не в полном виде. Очевидна колоссальная ценность этого источника, по которому можно изучить всю систему землевладения и землепользования, а также самый состав землевладельцев — от богатейших бояр до земцев, собственноручно пахавших свои участки или убиравших с них сено. По писцовым книгам можно даже подсчитать численность деревенского населения в разных районах Новгородской земли и составить детальнейшую карту ее населенных пунктов, подавляющее большинство которых состояло из одного или двух дворов. Все эти сведения, взятые когда-то на месте, а не из вторых рук, прекрасно дополняют летопись, но коснутся только узкого периода конца XV в.

Особый источник составляют **акты** — официальные грамоты, исходящие от верховной власти или ее органов или утвержденные ими. К их числу отно-

сятся государственные договоры Новгорода с русскими князьями и иноземными государствами, некоторые вечевые решения, а также документы, утверждающие куплю и продажу, передачу в дар или в наследство крупной собственности. До нас дошли и подлинные акты, и — чаще — копии с них, сделанные в XVI—XVII вв. Но сохранившиеся документы составляют ничтожную долю процента по сравнению с тем, сколько их существовало в древности. От X и XI столетий нет ни одного такого акта, от XII в. их известно всего лишь восемь (из них только два подлинных). С каждым следующим столетием число актов увеличивается, однако остается бесконечно малым. Многие тысячи актов, хранившихся в домах горожан, истреблены частыми в деревянном городе пожарами, а те, которые хранились в государственных архивах, погибли вместе с архивами.

В Новгороде, в частности, громадный архив официальных документов существовал с конца XI до XVI в. в княжеской резиденции на Городище. Вероятно, в опричнину Ивана Грозного архив был ликвидирован, а хранившиеся в нем документы выброшены в снег. Документы сгнили. Потом, уже в конце XVIII в. на этом месте был вырыт канал, и земля из него образовала насыпи по его берегам. Но от архива в этих насыпях остались многочисленные свинцовые печати, только малая часть которых собрана и собирается каждый год после разлива Волхова или после сильных дождей на прибрежных отмелях, а большинство смыто паводками на илистое дно реки. Но даже то, что случайно уцелело, дает возможность сделать интересные сопоставления. Если нам известно лишь восемь актов древнейшего (до середины XIII в.) периода, то печатей того же времени только на Городище найдено уже свыше 700. А сколько не найдено? Случайные обстоятельства сохранили случайное число актов, отразивших разные по своим масштабам

разрозненные события прошлого. Каждый сохранившийся акт — историческая драгоценность, рассматривая которую мы соприкасаемся с подлинной частицей ушедшей действительности, но частица всегда остается частицей. Выше уже был приведен пример, как важнейшее для историка содержание акта может быть скрыто ссылками на установившийся обычай, известный всем прежде, но не известный нам теперь.

Официальные документы всегда писались по установленной форме. Изменение привычной формы связывается с переменами политической обстановки, с важными шагами общественного развития, но, если летопись этих шагов не отметила, а сохранившиеся акты разделены большими промежутками времени, как обнаружить дату таких перемен? Древнейший дошедший до нас договор Новгорода с князем датируется 1264 г. В нем, в частности, говорится о том, что князь не имеет права владеть землей на большей части новгородских владений, где бояре ревниво оберегали свои земельные богатства. К 1137 г. относится другой документ — грамота новгородского князя Святослава Ольговича, из которой видно, что при этом князе подобного ограничения еще не существовало. Между 1137 и 1264 гг. прошло свыше столетия, но к какому году относится установление отмеченного ограничения, продержавшегося до конца новгородской независимости, и результатом каких событий оно явилось, пока установить не удастся: не сохранилось ни одного полезного для таких наблюдений документа второй половины XII и первой половины XIII в.

Факты исторической действительности отражались в **литературных произведениях** прошлого, и, тщательно отделяя их от вымысла, можно дополнить летописный рассказ живыми красками бытовых зарисовок, которые можно найти, например, в много-

численных церковных житиях. Эти рассказы повествуют о людях, причисленных церковью к лику святых за их особую роль в укреплении христианской религии. Однако в большинстве случаев жития составлялись не раньше XVI в. и их авторы живописуют не прошлое, а лишь свое представление о нем.

Ценнейшим источником знания являются **своды законов** Древней Руси, начиная с «Русской правды». Исследование этих сводов дает очень много для понимания классовых взаимоотношений и истории русского права, а сравнение древнейших кодексов с юридическими памятниками более позднего времени, например XV в., позволяет наблюдать самый процесс общественного развития, в том числе и возникновение новых групп зависимого от феодалов населения. Но и этот источник, существенно дополняющий летопись, показывает былую действительность только под определенным углом зрения и далеко не полно.

Все эти и некоторые другие источники постепенно собирались и сопоставлялись историками начиная с XVIII в. Они позволили установить многие факты и обстоятельства новгородской истории, но даже взятые вместе эти источники не дают ответа на сотни крупных и мелких вопросов, волновавших исследователей.



Новгород, открытый археологами

Еще в прошлом веке начались поиски новых возможностей изучения прошлого. К числу вновь привлеченных исследователями источников относятся **монеты и монетные клады**. Упоминая денежные суммы, называя цены на некоторые товары, летопись и другие документы пользуются только названиями денежных единиц. И если мы прочтем в летописи, что в голодный год в Новгороде покупали хлеб за две ногаты, а кадь ржи за шесть гривен, такое сообщение не даст нам правильного представления о действи-

Церковь Петра и Павла в Кожевниках

тельной дороговизне хлеба, так как нам остается неизвестной величина ногаты и гривны. Только изучая клады монет и сами монеты, взвешивая их, разбираясь в соотношении разных монет друг к другу, выясняя, как с течением времени изменялась ценность разных денежных единиц, исследователи научились понимать истинное значение упоминаемых в древних документах денежных сумм и использовать эти сведения для своих выводов.

Уже в XX в. внимание исследователей привлекли **свинцовые печати** несохранившихся официальных документов. Казалось бы, что они могут сообщить важного, если сами документы, некогда ими скрепленные, истлели в земле или погибли в пламени пожаров? Может ли, скажем, отклеенная от конверта почтовая марка рассказать о содержании полученного в этом конверте письма? Разумеется, не может. Но печати способны поведать о другом.

Право утверждать официальные документы принадлежало только органам государственной власти. И, если определить даты найденных в земле печатей, сгруппировать эти печати соответственно их принадлежности, можно увидеть, как от столетия к столетию развивалась система органов власти. Большинство новгородских печатей XII—XIII вв. — княжеские. Это значит, что именно князю в эту эпоху принадлежало право утверждать решения государственных органов и получать деньги за привешенную к документу печать. С конца XIII в. рядом с княжескими печатями появляются большие группы печатей посадников, архиепископских наместников, тысяцких, купеческих старост. Значит, с этого момента очень большая часть привилегий, еще остававшихся у князя, перешла от него к другим, республиканским органам власти. Важнейшие документы и после этого снабжались княжеской печатью, но с начала XV в. она почти не встречается, зато на ее место пришли

многочисленные печати «Великого Новгорода», которыми распоряжались посадники и тысяцкие.

Стало видно теперь, как постепенно уменьшалась сфера княжеского вмешательства в государственную жизнь Новгорода. Летописи этого важного процесса не отметили совершенно, но наблюдения над печатями позволили понять загадочную фразу договоров Новгорода с князьями XV в. Князья безуспешно настаивали: «А печати быть князей великих, а печати Великого Новгорода не быть». Теперь становится ясно, что они добивались восстановления старого порядка — обязательного контроля князя за новгородскими решениями. Как видим, этот источник отражает хотя и важную, но все же только определенную сторону жизни древнего Новгорода.

Множество вопросов, в том числе и таких, которые касаются самых существенных сторон средневековой жизни, остаются без ответа даже при сопоставлении всех тех исторических источников, которые давно уже сделались традиционными для исследователя. Отсюда возникло стремление увидеть все собственными глазами, прикоснуться руками к самым материальным остаткам прошлого, войти в дом древнего новгородца, пройти по его усадьбе, выйти за ее ворота на уличную мостовую, побывать на вечевой площади и на торгу. Полвека назад началось это увлекательное путешествие на «машине времени», и с тех пор оно не прекращается, заново открывая прошлое в непрерывном движении с одной усадьбы на другую и из одного столетия в другое.

Несколько лет назад сотрудник Новгородской археологической экспедиции Петр Иванович Засурцев опубликовал книгу **«Новгород, открытый археологами»**. Вот несколько примеров возможностей археологии в познании открытого ею Новгорода.

Когда заходит речь о средневековом Новгороде, воображение прежде всего рисует картину шумного

торгового центра, в котором на пристанях и на торгу звучит разноязыкая речь, а заморские гости — варяжские, веденецкие и индийские — наперебой предлагают покупателям свои экзотические товары: вина и благовония, пряности и диковинные орехи. Примерно так оно, вероятно, было. Но историки еще до раскопок попытались внести одно существенное дополнение в список излюбленных новгородцами привозных товаров. Было обращено внимание на то, что Новгородская земля невероятно бедна полезными ископаемыми. В ней нет месторождений ценных поделочных камней, в ее недрах нет металлических руд. Только железо распространено повсеместно в ржавой почве болот. Но для нормальной жизни нужны медь и свинец, серебро и золото. Все это везли в Новгород издалека в обмен на его природные богатства: мех и мед, воск и ценную рыбу. Если это так, рассуждали историки, нужно ли было Новгороду собственное ремесленное производство? Не проще ли было ввозить уже готовые изделия? Поскольку почвы Новгородской земли были тощими — это лесной и болотный край, — получалось, что ни сельское хозяйство, ни ремесло в экономике Новгорода не имели большого значения, а на первое место выдвигались торговля и промыслы. Центральной фигурой новгородской истории оказывался купец, обменивавший добытые в новгородских лесах и реках продукты на готовые изделия заморских ремесленников и предметы роскоши. Как уже рассказывалось выше, историки порой отождествляли купцов с хозяевами Новгорода — боярами.

В результате раскопок эти представления были опровергнуты. Каждый год буквально на каждой древней усадьбе лопата археологов открывала следы **разнообразных собственных ремесленных производств**. Иногда это были отходы ремесла — шлаки, оставшиеся от плавки металлов, обрезки привозного

поделочного камня. В других случаях — испорченные в процессе изготовления вещи, которые приходилось выбрасывать. Находили в большом количестве и сами орудия производства: каменные литейные формы для изготовления бронзовых и серебряных предметов, огнеупорные тигли, в которых плавили цветной металл, глиняные ложки-льяхки, которыми жидкий металл разливался в формы, а также специальные инструменты ремесленников. Неоднократно обнаруживались при раскопках и остатки целых мастерских, в том числе бронзолитейных и ювелирных.

Значит, привозили в Новгород в огромных количествах и сырье, без которого ремесленное производство не могло бы существовать, и прежде всего это были металлы. Исследуя это сырье, можно установить, откуда оно привезено в Новгород.

Однажды при раскопках древней Ильиной улицы в слое XIV в. был обнаружен громадный слиток свинца правильной формы весом в 150 килограммов. Когда этот слиток был очищен от грязи, на нем стали видны клейма с изображением орла и буквы К, увенчанной короной. Эти клейма принадлежали польскому королю того времени Казимиру Великому. Известно, что при помощи химического анализа металла можно определить, где он добыт, так как каждому месторождению присущ свой неповторимый набор микропримесей. Слиток свинца был исследован химиками, которые установили, что он добыт неподалеку от Кракова. И вес этого слитка оказался полностью соответствующим тем нормам, какие существовали тогда в торговле между Польшей и другими государствами. Так впервые было установлено, что среди поставщиков свинца в Новгород была Польша.

Постоянной находкой в культурном слое Новгорода оказался янтарь. Иногда это были готовые изде-

лия — бусы, перстни, крестики, — но чаще встречались кусочки, остававшиеся после изготовления таких предметов, или же мелкие кусочки янтаря, непригодные для ювелира. Такие кусочки ценились иконописцами: их варили с оливковым маслом для получения олифы, которой покрывали живопись. В одних случаях устанавливается, что янтарь привезен из Прибалтики, где и теперь разрабатываются его главные месторождения, в других — что он привезен из Поднепровья.

Загадочным на первых порах казалось прекрасное состояние деревянных гребней для расчесывания волос. Как уже рассказывалось, деревянные предметы вообще прекрасно сохраняются в культурном слое Новгорода. Однако они бывают до предела насыщены влагой. И, если их оставить сохнуть на воздухе, в древесине появятся трещины, ее волокна начнут изгибаться, предмет потеряет форму, а затем просто развалится. Поэтому археологи всегда спешат зарисовать и сфотографировать только что найденную деревянную вещь. А вот гребни и на воздухе ведут себя идеально. За сотни лет пребывания в земле они, оказывается, почти не впитали в себя влаги.

Образцы гребней были даны для исследования ботаникам, и те установили, что эти незамысловатые предметы на протяжении многих столетий изготовлялись в Новгороде из самшита — дерева, растущего в Закавказье, у южного берега Каспийского моря. Казалось бы, если новгородцам так полюбились именно самшитовые гребни, их удобнее было бы покупать там, где растет самшит. Но, оказывается, их изготовляли в Новгороде, где найдено немало гребней, почему-либо забракованных и выброшенных. Значит, в Новгород за тысячу верст везли самую подделочную древесину, чтобы использовать ее на месте. Более того, иногда на протяжении десятилетий точно такие же гребни начинали в Новгороде делать не из

самшита, а из кости, а потом снова возвращались к самшитовым. Выясняется, что такой отказ от самшита совпадает с периодами, когда дороги на юг бывали отрезаны воинственными кочевниками и торговое движение на них замирало. Восстанавливалось движение, и в Новгороде опять начинали делать гребни из самшита.

Привоз в Новгород необходимого сырья, использование собственных возможностей обеспечивали условия для развития и совершенствования десятков ремесел. Многие из ремесленных мастерских, открытых при раскопках, связаны с обработкой металла, но само производство в них было уже в XII в. специализированным. В одних ковали железо, в других лили медь, одни ремесленники изготавливали металлическую посуду, другие делали украшения, третьи были оружейниками. Такая же специализация характерна и для других видов производств, например кожевенного. Тачали сапоги и шили кожаные кошельки разные ремесленники в разных мастерских. Обнаружены были и костерезные мастерские, и даже особая мастерская, в которой изготавливались глиняные игрушки-свистульки.

Такая специализация требовала в каждой мастерской своего, особого набора инструментов и их постоянного совершенствования. Сам ассортимент средневековых орудий труда, найденных в Новгороде при раскопках, включает десятки наименований, а сравнение между собой инструментов, относящихся к одной и той же категории, но к разным столетиям, всякий раз обнаруживает, что с течением времени они становятся более совершенными. Точно так же и исследование приемов для изготовления ремесленных предметов выясняет, что от столетия к столетию не прекращается творческая работа ремесленников над улучшением технологии производства. Если же сравнить между собой новгородские изделия XI—

XII вв. с подобными изделиями западноевропейских и ближневосточных ремесленников того же времени, становится очевидным, что уровень производства в Новгороде был не ниже, чем в странах, прославленных во всем мире своими товарами.

Так общая картина новгородской жизни, установленная по привычным для историка письменным документам, была дополнена открытием высокоразвитого городского ремесла, само существование которого прежними историками отрицалось.

Исследование ремесленной продукции новгородцев приводит к открытию и датировке важнейшего для развития Новгорода явления, оказавшего влияние на все слои общества, на систему международных связей и даже политическую жизнь Новгородского государства. Рассказать об этом открытии удобнее всего на примере исследования такой распространенной в обиходе вещи, каким был **самый обыкновенный нож**.

Ножей в новгородских раскопках найдены многие тысячи, и, в отличие от большинства других инструментов, они внешне кажутся неизменными с X до XVI в. (если только это не специальный сапожный, костерезный или боевой нож). Такое постоянство формы понятно: ведь сама она с самого начала определена назначением предмета. Она была вполне удобной в X в., и не возникало необходимости менять ее. И тем не менее выяснилось, что ножи XI в. совершенно не похожи на ножи XII в., только это несходство скрыто от глаз. Его можно обнаружить, рассматривая поперечный разрез ножей под микроскопом. Нож X в. изготовлен техникой «пакета». К стальной полосе лезвия приварены по бокам железные щечки. При работе таким ножом щечки постепенно стираются, а стальное лезвие все больше выступает. Нож, таким образом, сделан по принципу самозатачивающегося инструмента, открытому заново уже

в нашем столетии. Таким ножом можно работать до тех пор, пока он не сотрется почти полностью. Нож XII в. иной. К железной полосе приварен тонкий край, который и служил рабочей частью инструмента. Достаточно этому краю стереться или отломиться, и нож останется только выбросить. В данном случае развитие технологии пошло не по пути улучшения качества предмета, а по пути его ухудшения. Но зато нож стал дешевле, а главное — мастер в течение того времени, какое требовалось ему, чтобы изготовить только один нож, мог сделать уже два, а возможно, и три ножа.

Такое стремление увеличить производительность труда, пусть даже ценой потери качества, отражает наступление чрезвычайно важного этапа в развитии ремесла и торговли. До какого-то момента мастера изготавливали свою продукцию на заказ. Покупателем был заказчик, имевший дело не с рынком, а с мастером, выполнявшим его желания. Заказчик мог распорядиться и о том, чтобы предмет был украшен соответственно его вкусу, и предъявить претензии мастеру, если не был удовлетворен его работой. Затем наступает время, когда мастер начинает, не дожидаясь заказов, изготавливать свою продукцию впрок и приходить с ней на городской торг, где он имеет дело уже не с заказчиком, а с покупателем, выбирающим готовую вещь по той цене, которая кажется ему доступной. Он предпочтет купить более дешевую вещь, тем более что внешне она неотличима от дорогой, а мастер спешит наделать как можно больше таких дешевых вещей. Эта работа ему выгоднее, в нее не требуется вкладывать кропотливый труд.

То, что замечено при изучении ножей, присуще и другим видам ремесленной продукции. Сначала, например, очень популярной на Руси была техника зерни. Узоры на золотых украшениях образовывались из крохотных золотых шариков, каждый из

которых был напаян на микроскопическое золотое колечко. Потом эта техника была вытеснена приемами ложной зерни, когда украшение целиком отливалось в форме, на поверхности которой воспроизводился узор, имитирующий настоящую зернь. В этой технике отливались уже не золотые, а серебряные и даже медные украшения. Как и в случае с ножами, момент перехода к употреблению упрощенной техники совпадает с рубежом XI и XII столетий.

Таким образом выясняется, что именно в указанное время наступил важнейший для истории ремесла и торговли этап массового перехода ремесленников от работы на заказ к работе на рынок, преобразовавший всю систему взаимоотношений мастеров с теми, для кого они изготавливали свои изделия. Однако последствия такого преобразования оказались еще более значительными.

Новый этап начинается с решительного увеличения продукции ремесленников. Но для того, чтобы такое увеличение стало возможным, нужно, чтобы и количество сырья резко увеличилось. Мы уже знаем, что многие виды сырья привозились из-за рубежей Новгородской земли. Чтобы его получить, нужно было так же резко увеличить объем тех товаров, которые вывозились из Новгорода и пользовались особым спросом. Прежде всего это были продукты промыслов: мед и воск, пушнина и ценная рыба. Чтобы иметь много таких продуктов, Новгороду нужны были новые земли с лесами, изобиловавшими пушным зверем и пчелами, реками, богатыми семгой, осетром, сига́ми. И не случайно как раз во второй половине XI в. новгородские бояре устремляются на север и северо-запад, присоединяя к владениям Новгорода новые и новые земли в Заонежье и на Северной Двине.

Сделавшись хозяевами новых богатых земель, бояре стали владельцами и всех находящихся в них

ценностей. Отправляя эти ценности за рубеж, бояре получали и основную прибыль от их продажи купцам. Наживались и купцы, продававшие товары иноземцам. В купеческие кошельки ложилась и прибыль от следующей операции, когда купленное у иноземцев сырье перепродавалось ремесленникам. И только ремесленники могли рассчитывать лишь на то, что они смогут заработать собственным трудом.

Во всей этой системе общественных взаимоотношений наиболее выгодное место занимал боярин, в руки которого стекалась львиная доля доходов. И не случайным кажется теперь то, что как раз в конце XI в. новгородское боярство вступает в решительную борьбу с князем за полноту власти в Новгороде и в 1136 г. добивается полной победы над ним, окончательно утвердив республиканский строй.

Коснемся **других возможностей археологии** в изучении средневекового Новгорода. Люди, побывавшие в древних городах Владимиро-Суздальской земли и в Новгороде, обращают внимание на заметную разницу в убранстве средневековых каменных зданий. Владимирские церкви XII и начала XIII в. покрыты «коврами» каменной резьбы, в которых причудливые орнаменты обрамляют изображения птиц и зверей, фантастических животных и небывалых цветов. Стены новгородских церквей украшены скупой, сама поверхность кладки из чередующихся слоев кирпича и известки или из розового ильменского известняка служит им украшением. Эта разница, казалось, говорит о различиях в областных характерах русского человека, порождая мысли о суровости новгородца, жившего среди болот и сырых лесов. Изогнутость каменной резьбы владимирских церквей долгое время оставалась искусствоведческой загадкой. Откуда мог возникнуть ее стиль? Исследователи вспоминали летописное сообщение о том, что Андрей Боголюбский призывал к своему двору художников

из дальних стран, и искали корни этого стиля в других странах, от Италии до Армении.

Раскопки в Новгороде решили эту загадку, перечеркнув и возникшее было представление о примитивной простоте рядового новгородца. Оказалось, что очень многие деревянные предметы, повседневно служившие человеку, украшены такой же причудливой и изощренной резьбой, как и стены владимирских храмов. А когда в слое XI в. были найдены уцелевшие дубовые колонны здания, построенного еще в X столетии, на них оказались фантастические существа — двойники владимирских. Только новгородские были на 200 лет старше. Значит, загадочный стиль в действительности возник не за рубежами Руси, а на славянской почве. И там, где не было подходящего камня, пользовались главным поделочным материалом прошлого — деревом. Во Владимире резали и на камне, и на дереве, но деревянные предметы там не сохраняются в земле. В Новгороде резали на дереве, а не на камне потому, что строительный материал Новгорода — ильменский известняк рыхл и вовсе не приспособлен для резьбы, в отличие от владимирского плотного и пластичного белого камня.

Что же касается резных дубовых колонн, о которых только что было рассказано, вполне возможно, что они являются дошедшим до нас остатком древнейшей новгородской церкви — тринадцативерхой дубовой Софии, построенной сразу же после принятия христианства, в 989 г., а в середине XI в. сгоревшей. Ныне существующий Софийский собор был выстроен после этого пожара, и несколько поколений историков русской архитектуры мечтают найти остатки древнего собора и представить себе внешний вид этой восхищавшей современников постройки.

Открытие неведомого ранее мира бытового искусства оказалось важным и по другой причине. Пре-

жде, когда этот мир еще не был известен, великие произведения новгородской архитектуры и живописи воспринимались как прекрасные цветы, выросшие на пустыре. Понимать их красоту, думали тогда, могут только немногочисленные избранные ценители из среды высшего духовенства и боярства и сами художники.

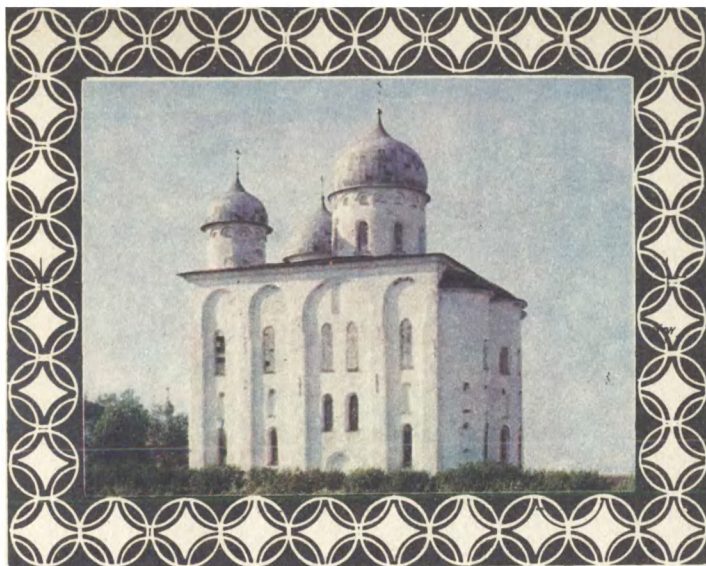
Сейчас мы видим, что это не так, и шедевры высокого искусства, и украшенные резьбой деревянная ложка или костяной гребень принадлежат к одному кругу явлений, порождены общим стремлением к красоте, потребностью выразить художественный вкус в образах, соответствующих обстановке.

Мы познакомились с некоторыми из археологических открытий, преодолевающих умолчание летописи и других письменных источников. Но главное в этих открытиях — возможность представить средневекового новгородца в окружении привычных для него вещей, в обстановке построенной им усадьбы — срубленного из свежей сосны дома. Для археолога остатков таких построек и собранных среди них древних предметов достаточно, чтобы домыслить картину усадьбы. Это как бы сцена еще не начавшегося спектакля, на которой расставлены все нужные для нее предметы обстановки и реквизита. Действие еще не началось, но уже можно понять, как примерно будут выглядеть герои пьесы, которые вот-вот выйдут на сцену. Ведь вещи всегда очень многое могут сказать об их владельце. Вспомните, как Шерлок Холмс дал исчерпывающую характеристику старшему брату доктора Уотсона, внимательно изучив его карманные часы.

И все же, как бы красноречивы ни были вещи, они не заменят своего владельца. Они скажут о нем, но не сумеют рассказать о том, чему свидетелем был он сам. Тысячу раз остается прав замечательный русский поэт И. А. Бунин, сказавший:

Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письма.

Конечно, голос человека, умершего сотни лет назад, уже никогда не прозвучит. Звучать для нас может только написанное им. Но, если бы комплекс усадьбы и найденных на ней вещей дополнился записями владельца, полученными им письмами и записками, картина, открывающаяся при раскопках, была бы завершена участием в ней вполне конкретного человека. Можно ли было надеяться на такую находку?



Береста заговорила

Мнение исследователей на этот счет было малообнадеживающим. Многолетним спорам о состоянии грамотности в Древней Руси был в начале XX в. подведен итог виднейшим буржуазным историком русской культуры П. Н. Милюковым. Одни, писал он, считают Древнюю Русь чуть ли не поголовно безграмотной, другие допускают возможность признать распространение в ней грамотности. «Источники дают нам слишком мало сведений, чтобы можно было с их помощью доказать верность того или другого

Георгиевский собор Юрьева монастыря

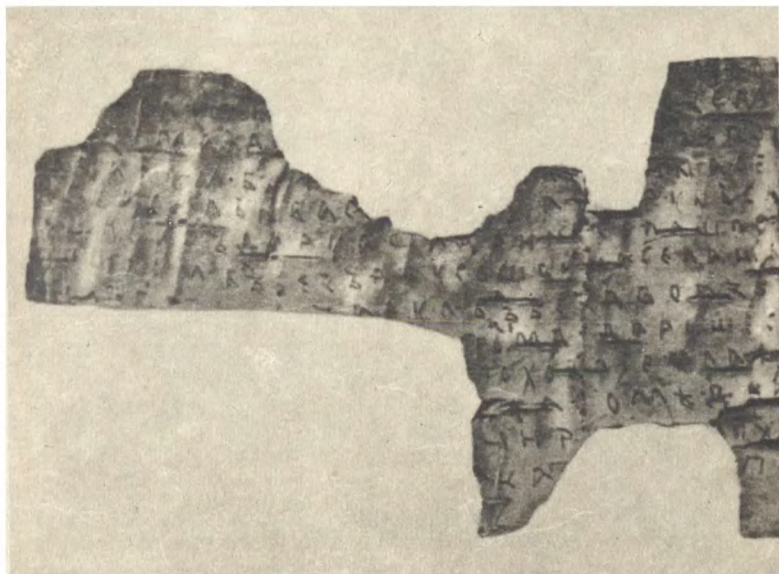
взгляда», однако все как будто говорит в пользу первого взгляда. Ту же мысль внушал гимназический учебник: «Тогда письменность ограничивалась списыванием чужого, так как немногие школы служили лишь для приготовления попов». Даже в начале 50-х годов нашего столетия повторялось мнение, что грамотность была в Древней Руси привилегией только исключительно высшего слоя общества — князей, бояр и попов.

Значит, само по себе обнаружение письма или записки в доме рядового средневекового горожанина представлялось событием почти невозможным. Малая его вероятность усугублялась еще одним обстоятельством, связанным с поисками таких писем в земле.

В древности писали на пергамене — выделанной телячьей коже, стоившей очень дорого. Настолько дорого, что люди всегда стремились много раз использовать один и тот же исписанный лист. Тексты, ставшие почему-либо ненужными, нередко тщательно выскабливались, и на таком очищенном листе писали снова. Поэтому фотографирование в инфракрасных лучах иногда дает возможность на одном и том же листе пергамена прочесть два разных текста. Даже утратившие свое значение записи на пергамене не выбрасывали из-за большой ценности этого писчего материала.

Предположим, однако, что пергаменное письмо оказалось в земле. Кожа в новгородской почве сохраняется очень хорошо, но ведь в данном случае речь идет о коже, исписанной чернилами. Вода, которая способствует сохранению в земле самого пергамена, обязательно истребит чернильные тексты. Еще в 1843 г. в московском Кремле была сделана сенсационная находка. При рытье погребов лопатой землякопа был извлечен наполненный водой медный сосуд, в котором лежало восемнадцать пергаменных

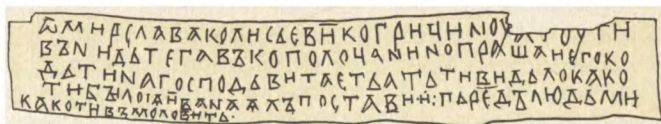
Эта грамота найдена
первой — 26 июля 1951 г.



и два бумажных свитка XIV в. И только на семи листках, попавших в самую середину тугого свертка, куда не проникла влага, частично сохранился текст. С тех пор прошло почти полтора века, и до сих пор попытки прочесть смытое остаются малоудовлетворительными.

Еще истребительнее должно быть действие влажной почвы на бумажное письмо. Бумага — дешевый писчий материал — распространяется на Руси с XIV в., а особенно со второй половины XV в. Но бумага крайне непрочна. Если на пергамене вода

Письмо, написанное
во время судебного
заседания в конце XII в



сможет только текст, то бумажное письмо она разрушит бесследно спустя самое короткое время после того, как такое письмо, ставшее ненужным адресату, попадет в землю.

Известно было, однако, что до появления бумаги на Руси использовался другой дешевый писчий мате-

риал — **береста**, березовая кора. В музеях и архивах сохранилось довольно много документов, написанных на бересте. Это позднейшие рукописи XVII—XIX вв., в том числе и целые книги. Так, в 1715 г. в Сибири в сохранившуюся до наших дней берестяную книгу записывали ясак — дань в пользу московского царя. Этнограф С. В. Максимов, видевший в середине XIX в. берестяную книгу у старообрядцев на реке Мезени в Архангельской губернии, даже восхищался этим необычным для нас писчим материалом: «Только один недостаток, — писал он, — береста разодралась от частого употребления в мозолистых руках поморских чтецов по тем местам, где находились в бересте прожилки».

Известны были и отдельные древние грамоты на бересте. В Таллине до войны хранилась берестяная грамота 1570 г. с немецким текстом. О берестяных грамотах XV в. в Швеции сообщал автор, живший два века спустя; известно также об употреблении их шведами в XVII и XVIII столетиях. В 1930 г. на берегу Волги близ Саратова колхозники, роя силосную яму, нашли золотоордынскую берестяную грамоту XIV в.

Дошли до нас сведения и о существовании берестяного письма на Руси, по крайней мере, в XIV в. Выдающийся публицист и писатель конца XV—начала XVI столетия Иосиф Волоцкий, рассказывая о скромности монашеской жизни основателя Троице-Сергиева монастыря и сподвижника Дмитрия Донского знаменитого Сергия Радонежского, писал: «Толику же нищету и нестяжание имеаху, яко в обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестах». Монастырь при Сергии, по словам Иосифа Волоцкого, не стремился к накоплению богатств и был так беден, что даже книги в нем писались не на пергамене, а на бересте. Кстати, в одном из старейших русских библиотечных катало-

гов — в описании книг Троице-Сергиева монастыря, составленном в XVII в., — упоминаются «свертки на деревце чудотворца Сергия».

В некоторых юридических документах XV в. встречается выражение: «Да и на луб выписали и перед осподю положили, да и велись по лубу». Хотя луб не береста, а подстилающий ее слой «подкорья», приведенное сообщение важно потому, что оно лишний раз говорит об использовании в качестве писчего материала разных слоев древесной коры.

Для того чтобы береста стала писчим материалом, недостаточно было снять ее с березы. Этнограф А. А. Дунин-Горкавич, который в начале нынешнего столетия наблюдал подготовку бересты у хантов, писал, что для превращения ее в писчий материал бересту кипятят в воде, что увеличивает ее мягкость, эластичность и сопротивляемость разрушению.

Береста в новгородском культурном слое сохраняется великолепно и встречается постоянно. Кроме многочисленных поплавок от рыболовных сетей, обрывков лукошек и коробов она в огромном количестве обнаруживается при раскопках просто в виде кусков коры, иногда аккуратно обрезанных.

Беда только в том, что к бересте применимо все, что только что было сказано о пергамене. Береста сохраняется в Новгороде только потому, что там очень влажно, но, если эта береста исписана чернилами, та же влага бесследно смывает любой написанный на ней текст.

И тем не менее именно бересте суждено было стать тем средством, с помощью которого была дана жизнь слову, звучащему «из тьмы веков» и опрокинутому складывавшиеся десятилетиями представления о низком уровне грамотности в Древней Руси, о безъязыкости археологических находок, о невозможности заставить древние вещи заговорить устами их бывших владельцев.

Дощечка для писания
по воску с процарапанной
на ней в XIII в. азбукой.
Рядом орудия письма
на бересте — писала.

Случилось это 26 июля 1951 г., когда молодая работница Нина Федоровна Акулова нашла во время раскопок на древней Холопьей улице Новгорода, прямо на настиле ее мостовой XIV в., плотный и грязный свиток бересты, на поверхности которого сквозь грязь просвечивали четкие буквы. Если бы не эти буквы, можно было бы думать, что обнаружен обрывок еще одного рыболовного поплавка, каких в новгородской коллекции к тому времени насчитывалось уже несколько десятков.

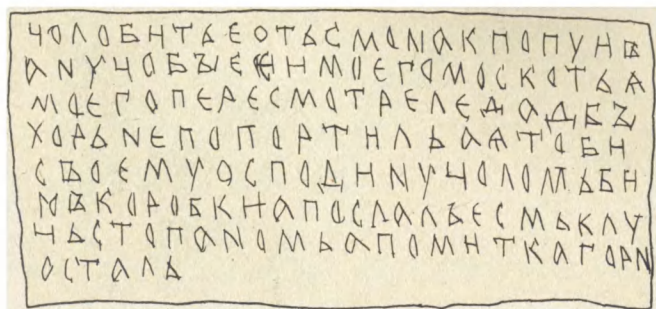
Акулова передала свою находку начальнику раскопа Гайде Андреевне Авдусиной, а та окликнула Артемия Владимировича Арциховского, на долю которого достался главный драматический эффект. Оклик застал его стоящим на расчищаемой древней вымостке, которая вела с мостовой Холопьей улицы во двор усадьбы. И стоя на этой вымостке, как на пьедестале, с поднятым пальцем, он в течение минуты на виду у всего раскопа не мог, задохнувшись, произнести ни одного слова, издавая лишь нечленораздельные звуки, потом хриплым от волнения голосом выкрикнул: «Я этой находки ждал двадцать лет!»

С тех пор прошло больше четверти века. К концу полевого сезона 1978 г. число берестяных грамот в Новгороде достигло 571, но **день 26 июля 1951 г. навсегда останется в истории науки** как дата открытия нового источника исторических знаний, без которого уже сегодня наука не может обойтись.

Потому что уже первая берестяная грамота открыла возможность ожидать последующих находок не как чуда, совершающегося один раз в полтора-



Автор грамоты Семен
заботится о сохранности
своего имущества



ста лет, а искать их упорно, изо дня в день, зная, что каждый день раскопок способен увеличить их число. Эта грамота навсегда перечеркнула сомнения, связанные с опасностями пребывания берестяного текста в земле: на ее написание не потребовалось ни одной капли чернил. Буквы, образующие тринадцать строк, были процарапаны, вернее, выдавлены твердым острием, навсегда впечатавшись в гладкую поверхность берестяного листа. Забегая вперед, скажем, что точно таким же способом написаны почти все берестяные грамоты, которым еще предстояло быть найденными. Только два документа — грамоты № 13 и 496, относящиеся к XV в., написаны чернилами, и их не удастся прочесть до конца даже с помощью инфракрасных лучей.

Были найдены и продолжают обнаруживаться каждый год и инструменты для письма на бересте. Писала — так они назывались в древности, — костяные или железные, представляют собой заостренные стержни с плоской лопаточкой на верхнем конце. Их неоднократно находили и прежде в Новгороде и в

других средневековых городах, не догадываясь до открытия берестяных грамот об истинном назначении и называя в описях шильями, булавками или просто загадочными предметами. Найдены были несколько раз и кожаные чехлы для писал, в которых они прикреплялись к поясу.

Однако вечером 26 июля 1951 г. мы еще не знали того, что знаем сейчас. Было очевидно только одно: если берестяные грамоты в земле неистребимы, значит, можно рассчитывать на их повторные находки. Не знали же мы в этот день, как часто они могут повторяться. Ведь если на Руси грамотными были только князья, бояре и попы, тогда подобные находки сохраняют свою исключительность.

Первая берестяная грамота содержала пространную запись о «поземе» и «даре» с разных поименованных в ее тексте сел. Поземом в Древней Руси назывался налог феодалу за право проживать на его земле. Дар — тоже налог, который уплачивался феодалу во время посещения им своих владений. Очевидно, что берестяная грамота принадлежала крупному феодалу (его звали Фомой) — боярину или духовному лицу.

Судьба устроила так, что для сомнений было отведено лишь два дня. Уже 27 июля была найдена вторая берестяная грамота, в которой содержалась еще одна запись дара, на этот раз с именами карел, обязанных платить эту пошлину феодалу. А 28 июля было открыто первое берестяное письмо в полном смысле этого слова, т. е. не записка, сделанная для памяти, а текст, написанный одним человеком для другого и посланный издалека. Грамота № 3 была в древности немного повреждена, утратив часть первой строки. Вот что в ней прочлось:

«Поклон от Грикши к Есифу. Прислав Онанья, молви... Яз ему отвечал: не рекл ми Есиф варити перевары ни на кого. Он прислал к Федось: вари ты

пиво, седишь на безатьщине, не варишь жито». Грикша (Григорий) сообщает Есифу (Осипу), что Онанья прислал распоряжение варить пиво. Грикша отказал ему, сославшись на Есифа, который ему на этот счет никаких указаний не давал. Тогда Онанья с тем же требованием обратился к Федосье, настаивая, чтобы пиво варила она потому, что она «сидит на безатьщине», т. е. пользуется участком, который достался ей не по наследству, а передан в пользование после постороннего ей умершего человека. С использованием этим участком была, по-видимому, связана обязанность варить пиво для семьи феодала по требованию настоящего владельца земли. Дать такое распоряжение мог, вероятно, только Есиф, и Грикша, в котором можно видеть сельского старосту, управляющего, сомневается, нужно ли выполнять приказ Онаньи.

Историческое значение этой находки состоит в том, что она впервые донесла до нас документ, написанный, очевидно, не князем, не боярином и не попом, а человеком, не принадлежащим к сословию феодалов. Это, правда, не крестьянин и не простой ремесленник, а лицо «административное». Однако, если грамотными были сельские старосты, как сильно изменяет этот факт представление о степени распространения грамотности в средневековом Новгороде.

К концу полевого сезона 1951 г. количество берестяных грамот достигло десяти. В их числе встретилось еще несколько писем, а также крохотное «литературное произведение». На ободке маленького берестяного лукошка было процарапано следующее: «Есть град между небом и землею, а к нему еде посол без пути, сам ним, везе грамоту непсану». На современном русском языке это звучит так: «Есть город между небом и землей, а к нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту неписаную». Это загадка,

которую загадывали еще в начале нынешнего столетия. Город между небом и землей — ковчег, в котором Ной спасался от потопа; немой посол, едущий без пути, — голубь; грамота неписаная — масличная ветвь, которую он несет в клюве как знак, что потоп кончается и из-под воды показалась земля.

Уже этот первый год начавшегося открытия позволил сделать некоторые **важные выводы о перспективах дальнейших поисков**. Во-первых, стало очевидным несомненное разнообразие берестяных текстов. Записи феодальных повинностей и хозяйственные распоряжения, загадка и жалоба — такие разновидности записей были обнаружены в 1951 г. Во-вторых, эти находки происходили не из одного слоя и не с одной усадьбы. Они встречались в разновременных прослойках и особенностями начертания букв, меняющимися с течением времени, соответствовали этим прослойкам. Самая поздняя из них датировалась XV в., а самая ранняя была написана тремя столетиями раньше — в XII в. В-третьих, их было много, что заставило вспомнить одну любопытную, но прежде не очень понятную деталь из одного давно известного исследователям источника.

Сохранилась запись беседы новгородского священника середины XII в. Кирика с епископом Нифонтом. Кирик задал епископу множество разнообразных вопросов, которые волновали его в связи с его церковной службой, в том числе такой: «Нет ли в том греха — ходить по грамотам ногами, если кто, изрезав, бросит их, а слова будут известны?» Странным казался раньше этот вопрос. Кому может прийти в голову резать дорогую пергаменную грамоту и затем топтать ее ногами? После открытия исписанной бересты смысл вопроса стал ясным. Именно берестяные грамоты по прочтении выбрасывались как вещь, ставшая ненужной, и люди на них наступали, не зная, какие слова они топчут, а среди

этих слов могли оказаться и такие, как «бог», «ангел», «богородица», «святой». Сейчас, когда берестяных грамот в Новгороде найдено больше пятисот, мы убедились, что древние новгородцы действительно в буквальном смысле этого слова ходили по грамотам ногами, но это обстоятельство в общем обнаружилось уже в 1951 г.

Другой вывод имеет отношение к задачам датирования найденных в земле берестяных документов. Ни на одном из них, естественно, нет даты. Посылая письмо с неотложным хозяйственным распоряжением, его автор не нуждался в обозначении года. На помощь историку в таких случаях приходит палеография — наука, определяющая время написания текстов по форме букв. С течением столетий формы букв меняются. В древности, например, букву *n* изображали, как современную латинскую *N*, а, если бы она была написана так, как принято сегодня, ее прочли бы как *и*. Буква *m* в одни эпохи слагалась из вертикальных линий, а в другие — ее линии стояли косо. Зная, как писали каждую букву в разные столетия, сопоставляя буквы одной и той же грамоты друг с другом, можно датировать весь документ, но с приблизительной точностью в столетие.

Но ведь грамоты, найденные в земле, могут датироваться так, как датируются любые другие археологические предметы. Их обнаруживают вместе с обломками глиняной посуды, ножами, деревянными поделками, бусами и браслетами, внутри остатков древних домов или около них, в определенных прослойках культурного слоя. Уровень залегания каждой берестяной грамоты может быть сопоставлен с соответствующим настилом уличной мостовой. И если, например, друг на друге лежат две мостовые, одна из которых относится к 1313, а другая — к 1299 г., а грамота найдена между ними, очевидно, что она попала в землю в самом начале XIV в.

Значит ли это, что и написана она была в те же годы? Ведь можно предположить, что иной раз человек, получив берестяное письмо или сделав собственноручную записку для памяти, долго хранил эту бересту и выбрасывал ее только тогда, когда она становилась ему совершенно не нужна. Он мог составлять из берестяных писем целые домашние «архивы», в которых разновременные грамоты лежали одна подле другой, а потом все вместе и оказывались в земле.

Думается, однако, что так не могло быть. Береста как писчий материал совершенно не терпит хранения на воздухе. Любой берестяной свиток очень быстро начинает сохнуть, трескается по прожилкам, а затем разваливается. Чтобы берестяное письмо надолго сохранилось, нужно держать его под прессом, не давая ему скручиваться (так сохранились, в частности, берестяные книги XVIII в. — прессом для них служили их переплеты), тогда лист примет плоскую форму.

В земле берестяные грамоты сохраняют форму свитка и оказываются достаточно прочными. Значит, они попадали в нее сразу же по прочтении. А это позволяет утверждать, что между временем написания грамоты и временем ее попадания в землю проходил самый минимальный срок. И действительно, в слоях XIV в. археологи обнаруживают берестяные письма, форма букв которых соответствует именно XIV, а не XIII в., тогда как в слоях XII в. никогда еще не были найдены документы, написанные в XI столетии.

Отсюда следует наиболее значительный вывод: грамоты вместе со всеми остальными предметами, найденными вместе с ними, и с остатками построек, расчищенных в одном с ними уровне, образуют единый комплекс и должны исследоваться не отдельно от него, а вместе с ним.

Вскоре после находки первых десяти берестяных грамот в научных статьях их стали сравнивать с папирусами, предвидя возникновение новой научной дисциплины — берестологии, подобной папирологии. В этом сравнении есть определенный смысл, так как открытие папирусов в свое время ввело в науку об истории Египта эллинистического и римского времени разнообразные материалы, осветившие многие недоступные прежде для исследования стороны древней жизни.

Однако существует и очевидная разница между папирусами и берестой. Папирусы дошли и доходят до нас уже отделенными от той среды, в которой они были написаны. Слоями исписанного папируса, например, обертывали мумии после бальзамирования. Берестяные грамоты в большинстве случаев были брошены на той усадьбе, куда они были адресованы или где они были написаны человеком, их получившим или написавшим. Разбитый здесь же глиняный горшок и выброшенная в грязь грамота или ее обрывок — проявление жизнедеятельности одного и того же человека, или одной и той же семьи, или, наконец, обитателей одной и той же усадьбы. Они по-разному способствуют реконструкции одного комплекса, одной ячейки прошлого. И если, прочитав найденные на усадьбе грамоты, мы можем узнать, как звали обитателей этой усадьбы, какими заботами наполнялся их день, то, изучив обнаруженный здесь же комплекс древних предметов и построек, установим, чем занимались эти люди, какой была обстановка их жизни и быта.

Снимая последовательно напластования разных ярусов одной усадьбы и изучая совместно и грамоты, и древние вещи, мы получаем возможность исследовать историю целых ячеек города и многих поколений одних и тех же семей на протяжении значительных периодов. Сравнивая же между собой эти ячей-

ки — получать выводы, касающиеся истории Новгорода в целом, а также истории его земли.

Здесь, пожалуй, уместно рассказать об одном интересном разговоре. Вскоре после того, как были открыты берестяные грамоты, один пожилой человек, бывавший в детстве в Новгороде (а это было еще до революции) и посещавший тогда частный музей новгородского краеведа и коллекционера В. С. Передольского, сообщил, что он видел в этом музее и берестяные грамоты. Под впечатлением этих необычных писем, вспоминает мой собеседник, он с другими мальчишками, своими товарищами, даже затеял игру в берестяную почту. Вряд ли это ошибка памяти. Нет ничего необычного в том, что берестяные грамоты могли оказаться в собрании любителя новгородских древностей еще в начале нашего столетия. Если же эти грамоты остались вовсе не известными науке, значит, скорее всего, это были ничтожные обрывки, на которых не удалось прочесть никакого связного текста. Подобные обрывки стали нам встречаться уже в 1951 г. Например, грамота № 7 содержала только первые слова: «Поклон от Филипа ко...» С тех пор подобные обрывки в экспедиции получили шуточное название «Филькиных грамот». Но мы берем их наравне с целыми. Ведь всегда может получиться, что продолжение работ на соседнем участке даже спустя много лет откроет другой обрывок такого письма, и тогда можно будет прочесть его целиком. Как бы то ни было, настоящее открытие берестяных грамот произошло только в 1951 г.

26 июля 1951 г. береста заговорила впервые, назвав по имени человека, некогда расправившего белый в прожилках лист и начавшего писать на нем. С каждым годом число древних голосов увеличивалось, и сегодня мы слышим множество их, легко узнавая в их хоре тембры и интонации уже знакомых нам людей. Но об этом впереди еще будет речь.



Посадник Юрий Онцифорович и другие

С момента находки первой берестяной грамоты археологические работы в Новгороде сосредоточились на месте этого открытия и продолжались здесь двенадцать лет. За эти годы Неревский раскоп (так он был назван по древнему имени городского района — конца), увеличиваясь с каждым летом, к 1962 г. достиг площади в 10 000 квадратных метров. Целый гектар древнего города предстал перед нами в подробностях его планировки. С севера на юг участок раскопок пересекала древняя Великая улица, главная маги-

Сторожевая башня Воеводского двора в Кремле

страль Неревского конца, по которой из Кремля ездили на север — к Ладоге и берегам Финского залива. Ее под прямым углом пересекали две хорошо известные по летописным рассказам улицы: Холопья и Козмодемьянская, идущие от берега Волхова. По сторонам обоих перекрестков располагалось по четыре усадьбы. Восемь из них были раскопаны в значительной части, некоторые почти целиком. Кроме того, в пределах раскопа оказались небольшие участки еще трех соседних усадеб.

Две важнейшие особенности сразу же обращали на себя внимание. Во-первых, все эти усадьбы были очень большими. Крупнейшие достигали площади почти в 2000 квадратных метров, величина самой малой равнялась 1200 квадратных метров. Во-вторых, границы этих усадеб на всем протяжении их существования с X по XV в. оставались неизменными. И когда в слое середины XV в. обнаруживался частокол, отделявший одно владение от другого, можно было с полной уверенностью утверждать, что и в X столетии разделяющий усадьбы частокол окажется на той же самой линии.

Эти особенности позволяли понять, кому принадлежали усадьбы. Сама их большая величина говорит о богатстве владельцев, о принадлежности их к высшему слою новгородского общества, а многовековая неизменность границ — об экономической устойчивости всех этих владений, хозяевам которых на протяжении пяти веков не было нужды дробить их, продавать по частям, сокращать свои усадьбы. Уже эти обстоятельства позволили с уверенностью предполагать, что раскапываемый участок был населен боярами, самым привилегированным сословием Новгорода.

Дальнейшие работы подтвердили такое предположение. Впрочем, в течение двух лет, до 6 августа 1953 г., боярская принадлежность раскапываемых

усадеб оставалась недоказанной. Берестяные грамоты, найденные в 1952 г., всякий раз говорили, что владельцами этих усадеб были очень богатые люди, которым принадлежал не только их городской двор, но и села и сельскохозяйственные угодья вдали от Новгорода, где они распоряжались зависимыми от них крестьянами. Об этом мы прочли уже в первой берестяной грамоте 1951 г. Но были ли эти богатые люди боярами или землевладельцами более низкого ранга, установить пока не удавалось. Между тем именно боярские усадьбы были для историков в тот момент наиболее интересны.

Дело в том, что боярам — потомкам древних родовых старейшин, аристократии — в республиканском Новгороде принадлежала вся полнота власти. И в высшей степени важно для понимания всего хода исторического процесса развития Новгорода знать, на чем основана эта власть. На торговых операциях? На руководстве войском? На владении землей? На использовании церкви? Какого рода богатство позволило боярам преодолеть княжескую власть и захватить в свои руки руководство государством? Ответив на этот вопрос, мы сумеем установить саму движущую силу, превратившую Новгород в республику.

Выше уже рассказано, что было время, когда крупнейшие историки не сомневались в том, что руководство торговыми операциями международного масштаба обогатило новгородских купцов, которые якобы и стали боярами. Еще в 30-е годы нашего столетия такое предположение было признано сомнительным, когда удалось окончательно установить, что все новгородские бояре были крупнейшими землевладельцами, обладавшими громадными имениями во всех областях обширной Новгородской земли. Однако и после этого оставалось неясным, на каком этапе истории Новгорода владение землей стало причиной боярской власти. Ведь нельзя исклю-

чить, например, такого предположения: поначалу основы богатства бояр закладываются активным участием в торговле, а только потом накопленные капиталы превращаются в земельные владения, снова принося доход феодалу.

Поэтому день 6 августа 1553 г. приобрел особое значение для исследователей Новгорода. В этот день на Неревском раскопе в слое рубежа XIV и XV вв. была найдена первая грамота (она получила общий порядковый номер 94), адресованная «господину Юрию Онцифоровичу». Берестяной лист сохранился не полностью, его конец был оторван в древности, но в уцелевшей части прочитано следующее: «Биють целом крестьяне господину Юрию Онцифоровицю о ключнике, зандо, господине, не можем ницим ему удобритися. Того, господине, с села... господине, буянить. А себе, господине...» Несмотря на обрывочность письма, общий его смысл ясен. Крестьяне бьют челом своему господину, умоляя защитить их от самоуправства старосты, господского ключника, который «буянит» в их селе. Самое важное здесь — имя адресата.

Юрий Онцифорович хорошо известен в новгородской истории. Этот человек много раз назван в летописи и других письменных источниках. В 1376 г., когда летописец впервые упомянул его в своем рассказе, Юрий Онцифорович в числе других новгородских бояр сопровождал в Москву едущего туда на переговоры архиепископа Алексея. В 1380 г. он снова участвует в посольстве, отправленном из Новгорода для переговоров с Дмитрием Донским. Его дипломатические способности, по-видимому, оказались незаурядными, и на следующий год, когда из Полоцка пришло известие о нападении Литвы, новгородцы послали к литовскому князю Ягайле заступаться за полочан именно Юрия Онцифоровича. В 1384 г. Новгород посылает его на Лугу строить новую крепость

Ямы (ныне город Кингисепп), а в 1393 г., когда нарушился мир с Москвой, Юрий во главе новгородских добровольцев идет завоевывать княжеские волости. В 1401 г. он снова был участником посольства в Москву и Тверь. В 1409 г. новгородцы избрали его главой республики — посадником. Этой должностью он владел до смерти в 1417 г., одновременно возглавляя новгородские войска и выполняя важнейшие дипломатические поручения. В 1411 г. он водил новгородские полки под Выборг, а в 1414 г. ездил в Литву заключать мир с грозным противником Новгорода великим князем Витовтом.

Летопись повествует также и о кипучей строительной деятельности Юрия Онцифоровича, построившего в Новгороде несколько каменных церквей. В числе его земельных владений было большое село Медное под Торжком, о чем известно из сохранившейся грамоты о продаже этого села самим Юрием Онцифоровичем одному московскому боярину. Знаменитым это село стало после выхода книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой ему посвящена одна из самых горьких и гневных глав. То, что грамота № 94 не случайная находка, занесенная на территорию раскапываемой усадьбы ветром или прохожим человеком, было очевидно с момента ее открытия. В Историческом музее в Москве хранится рукописная богослужебная книга 1400 г., принадлежавшая новгородской церкви Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице. Как это видно из древней надписи на ней, эта книга была подарена в церковь боярами Козмодемьянской улицы, а среди них первым назван Юрий Онцифорович. Значит, его усадьба находилась именно там, где спустя пять с половиной веков начались археологические раскопки.

Грамота № 94 замечательна по нескольким причинам. Во-первых, в ней впервые встретилось имя,

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА МИШИНИЧЕЙ

ЮРИЙ МИШИНИЧ

(ум. 1316 г.)

ВАРФОЛОМЕЙ

(ум. 1342 г.)

ЛУКА ИВАН

(ум. 1342 г.)

ОНЦИФОР

(ум. 1367 г.)

ЮРИЙ МАКСИМ АФАНАСИЙ ЛУКЬЯН

(ум. 1417 г.)

МИХАИЛ НАСТАСИЯ

(ум. 1421–1422 гг.)

АНДРЕЯН НИКИТА

(СЕРЕДИНА XV в.) (СЕРЕДИНА XV в.)

ОРИНА

(КОНЕЦ XV в.)

ОРИНА

(КОНЕЦ XV в.)

известное по другим, давно знакомым историкам источникам. Важно было уже то, что эта находка, таким образом, могла датироваться еще одним, независимым от других способом. Но еще важнее другое обстоятельство. Грамота с именем Юрия Онцифоровича впервые как бы слила воедино два мира, до тех пор лишь соприкасавшихся друг с другом, — мир летописных событий русской средневековой истории и мир вещественных, археологических источников. Береста не просто заговорила. Она заговорила голосом одного из знаменитых деятелей новгородской истории, став как бы первым прочным мостиком из глубины раскопа прямо в летописный рассказ.

Во-вторых, и это сейчас для нас важнее, находкой берестяной грамоты № 94 было получено неопровержимое доказательство того, что усадьбы Неревского раскопа или, по крайней мере, часть их действительно принадлежали боярам, а не представителям других богатых сословий города. Род Юрия Онцифоровича не только достоверно боярский, он один из самых известных боярских родов Новгорода. Он настолько знаменит, что летопись следит за его судьбой на протяжении нескольких поколений. Члены этого рода из поколения в поколение — с конца XIII до начала XV в. — избирались в посадники, т. е. были первыми и самыми знатными людьми новгородской республики.

Представить себе их могущество можно, только вспомнив карту Новгородской земли, в то время простиравшейся до Кольского полуострова, Урала и Вятки. На этой территории разместится любое европейское королевство.

Род Юрия Онцифоровича впервые привлекает внимание летописца в конце XIII в., когда новгородским посадником был избран Юрий Мишинич, прапрадед нашего Юрия. После гибели Юрия Мишинича в битве под Торжком в 1316 г. новгородским посадни-

ком избирают его сына Варфоломея. Когда Варфоломей в 1340 г. умер, на авансцену новгородской истории выходит его сын Лука, который не успел занять посадничьего поста только потому, что погиб на Двине из-за интриг своих соперников спустя два года после смерти своего отца. Зато сын Луки и внук Варфоломея Онцифор Лукинич не только стал посадником, но и одним из самых выдающихся политических деятелей Новгорода XIV в. По его инициативе в 1354 г. была проведена реформа государственного устройства Новгорода, укрепившая боярскую власть в эпоху, когда боярство стало особенно бояться усилившегося классового недовольства простого люда. Юрий Онцифорович унаследовал часть талантов отца, но это, по всей вероятности, был последний представитель своего рода на посадничьей степени. Летопись знает сына Юрия Онцифоровича Михаила, подобно своему отцу выполнявшего дипломатические поручения республики и строившего церкви, но судьба его дальнейших потомков оставалась неизвестной. Существует лишь завещание правнучки Юрия Онцифоровича Орины, отказавшей в самые последние годы новгородской независимости свои земли Колмову монастырю, который был основан Юрием Онцифоровичем; постройки этого монастыря сохранились до сегодняшнего дня.

Обнаружив берестяную грамоту, полученную некогда Юрием Онцифоровичем, можно было надеяться на находки берестяных писем других членов этого рода. И эти надежды сбылись. В пределах Перевского раскопа таких документов было найдено множество: одно письмо Варфоломея; одно написанное Лукой; шесть писем, полученных Онцифором, и два им собственноручно написанных; шесть писем, адресованных Юрию Онцифоровичу; восемь — Михаилу Юрьевичу. Найдены были и письма неизвестных по другим источникам сыновей Михаила: одно

письмо написано Андреем Михайловичем, другое получено Андреем и Никитой Михайловичами и их матерью Настасьей. Двадцать шесть писем и шесть поколений одной семьи!

Здесь подсчитаны только те грамоты, которые сохранили имена авторов и адресатов, но к ним следует добавить еще несколько десятков таких, которые, не сохранившись целиком, утратили первые строки с именами, однако найдены тут же, в составе одних и тех же усадебных комплексов. И не только их. Летопись, например, упоминает боярина Максима Онцифоровича, но ни слова не говорит о том, что он был родным братом Юрия Онцифоровича — мало ли существует людей с одинаковыми отчествами, даже если это редко употребляемые отчества. На Неревском раскопе было найдено несколько грамот, написанных или полученных Максимом. Само их местонахождение уже говорило бы о принадлежности Максима к тому же роду Онцифоровичей, но среди его грамот имеется письмо Максима Юрию с просьбой кланяться их отцу. Так расширялись представления о составе интересующей нас семьи.

Если все эти десятки грамот собрать вместе, станет очевидным характер боярского хозяйства на протяжении полутора столетий, с конца XIII до середины XV столетия. В этих грамотах мы не найдем ни одного слова о торговле, но почти все они оказываются связанными с эксплуатацией земельных богатств. В одних случаях это забота о посеве и уборке хлеба, в других — о доходах с промысловых угодий, например о получении оброка с рыбных ловов ценными породами рыб, в третьих — записи доходов за передачу в пользование другим людям земель, принадлежащих феодалу. Приведем два примера.

Грамота № 297 второй четверти XV в.: «Целобитье от Сергия з братьей из Рагуилова господину

Михаили Юрьевичю. Стог, господине, твои ржаной четверетьный тати покрали, овинов пять свезли...» Сергей из села Рагуилова сообщает Михаилу Юрьевичу, что воры украли принадлежавший ему стог, в котором было овинов пять ржи. Стог называется четверетным, так как господину принадлежала ровно четверть урожая, собираемого на его земле крестьянами.

Грамота № 358, написанная в середине XIV в. самым знаменитым посадником Онцифором Лукиничем: «Поклон оспожу матери. Послал есмь с посадником Мануилом 20 бел к тебе. А ты Нестере прочи и яко пришли ко мни грамоту, с ким будеш послал. А в Торжок приихав, кони корми добрым сином. К житници свои замок приложи. А на гумни стои, коли молотять. А кони корми овсом при соби... и овес также. А сказываи, кому надоби рож ли или овес...» Начав письмо к своей матери с поручения передать Нестору 20 бел (так назывались денежные единицы) и известить, с кем они были переданы, Онцифор посвящает основное содержание грамоты предстоящему контролю за уборкой урожая. Мать должна кормить коней хорошим сеном и овсом, запереть житницу обязательно своим замком, стоять на гумне, когда начнут молотить рожь и овес.

Земля, владение землей — основное содержание берестяных грамот боярской семьи XIII—XV вв. Это настолько очевидно, что, по существу, городскую усадьбу новгородского боярина мы должны воспринимать как центр громадной принадлежавшей ему сельской округи. Сюда сходились все нити управления сложным и разнообразным хозяйством, где зависимые от своего феодала крестьяне пахали землю, убирали хлеб, выращивали домашний скот, стреляли пушного зверя, ловили рыбу, собирали мед и пчелиный воск, косили сено и валили лес, отдавая господину значительную долю доходов. Городская усадьба

боярина ни одного дня не просуществовала бы, если бы не зависела от этих земель, расположенных порой за десятки и сотни верст от нее. Лиши ее этих земель, и она, потеряв возможность питаться их соками, перестанет быть боярской усадьбой.

А если точно так же собрать вместе более ранние берестяные грамоты, попавшие в землю на тех же самых усадьбах в XI—XII вв., то в них можно заметить другую особенность. Главная тема, которой посвящены эти письма, — деньги. В письмах требуют возвращения долгов и просят дать деньги займы, исчисляют проценты с отданных займы сумм, добиваются уплаты штрафов, на деньги продают и покупают. Вероятно, на протяжении XI—XII вв. исподволь происходило накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, позволившее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII в. еще принадлежали свободным крестьянам-общинникам. Когда во второй половине XIII в. в Новгороде были проведены многочисленные реформы, окончательно сосредоточившие в руках боярства всю государственную власть, за этим преобразованием республики наверняка стояли существенные экономические сдвиги. Вероятнее всего, именно тогда и сказались последствия длительного накопления денежных средств, сосредоточившихся в руках бояр.

Если в XIV—XV вв. главная тема берестяных писем с боярских усадеб — землевладение, то в более раннее время такой темой оказывается ростовничество, извлечение прибыли из человеческой нужды, отдача денег в долг под проценты. Располагая уже в XI в. значительными земельными богатствами, бояре охотно, ради значительной выгоды, ссужали деньгами людей, нуждающихся в самом необходимом для жизни и ведения своего хозяйства. Постоянной находкой в ранних слоях боярских усадеб, между

прочим, оказываются так называемые счетные бирки — палочки с глубокими зарубками на них. Сумма долга обозначалась такими зарубками, затем палочка раскалывалась по зарубкам пополам. Одну половину оставлял у себя должник, а другую его заимодавец, чтобы при окончательном расчете, сложив и сверив, совпадает ли число зарубок, эти палочки уничтожить. Еще более обстоятельно о ростовщичестве сообщают берестяные грамоты. Приведем для примера одну из самых древних новгородских грамот, найденную не на Неревском раскопе, а на противоположном конце города, в слое второй половины XI в., на такой же большой боярской усадьбе. Эта грамота получила порядковый номер 526.

«На Бояне в Русе гривна, на Житобуде в Русе 13 кун и гривна истине, на Луге на Негораде 3 куне и гривна с намы, на Добровите с людьми 13 куне и гривна, на Нежъке на Пръжневици полъг гривне, на Сироме без дъву ногату гривна, на Шелоне на Добромысле 10 кун, на Животгъке 2 гривне крупемъ, Серегери на Хъмуне и на Дрозде 5 гривнъ бес куне, на Азъгута и на Погощах 9 кун семее гривне, Дубровъне на Хрипане 19 третъее гривне».

Боян, Житобуд, Негорад, Добровит, Нежек Прожневич, Сирома, Добромысл, Животток, Хомуня, Дрозд, Азогут — имена людей, за каждым из которых автор записки числит разные суммы. Куны, ногаты, гривны — названия денежных единиц того времени. «Крупемъ», т. е. крупьем, по-видимому, называли разрезанные на мелкие кусочки западноевропейские серебряные монеты, принимавшиеся на Руси на вес. Таких обрезков очень много в монетных кладах XI столетия. «Истина» — сумма денег, отданных в долг. «Намы» — проценты с этой суммы. В конце письма употреблены слова «семее», «третъее», которые переводятся соответственно: в седьмой раз, в третий раз. Руса, Луга, Шелонъ, Серигер (Селигер),

Погощи, Дубровна — название разных местностей, где живут эти должники.

Если сложить все названные здесь суммы и выразить их в серебре, получится около 800 граммов. В среднем за каждым должником (а их не менее одиннадцати) получается около 70 граммов серебра. Это сравнительно небольшие суммы, но некоторые должники в третий и даже в седьмой раз не могут расплатиться с кредитором, т. е. должны по три и по семь лет. И каждый из этих годов приносил заимодавцу новые ростовщические прибыли.

Еще любопытнее адреса должников. Одни из них живут в Русе. Это нынешний город Старая Русса, в 60 километрах от Новгорода через Ильмень. Другие — на Луге. Ближайшие к Новгороду упоминаемые в грамоте № 526 места на этой реке находились в 50 километрах от него. Третьи — на реке Шелони, тоже не менее чем в 50 километрах от Новгорода. Четвертые — на озере Селигер, а от него до Новгорода 170 километров. Пятые — на озере Дубровно, не меньше чем в 100 километрах. Эти пункты расположены на запад, юго-запад, юг и юго-восток от Новгорода. Огромная территория, таким образом, оказывается покрытой паутиной ростовщических операций человека, живущего в Новгороде.

Для столь раннего времени это несколько неожиданная картина. Мы привыкли представлять себе Русь X—XI вв. как страну почти не потревоженного натурального хозяйства. Каждая хозяйственная ячейка общества производила все нужное для сохранения замкнутого образа жизни и мало общалась с соседними, такими же замкнутыми ячейками, будь то деревня или усадьба феодала. В этих условиях возникающие на водных дорогах города, казалось, прочнее связаны друг с другом, несмотря на разделяющие их большие расстояния, чем город с ближайшей к нему сельской округой. Грамота № 526, напро-

тив, показывает тесную связь Новгорода даже с не очень близкими к нему сельскими местностями. В этом, возможно, заключена важная особенность Новгорода, боярство которого уже в XI в. жило не в своих сельских владениях, а в самом городе.

Интересным оказывается сравнить археологически городскую усадьбу новгородского боярина с его же сельской усадьбой. Такие сельские усадьбы несколько раз были раскопаны. На городской усадьбе культурный слой составляет многометровую толщу, будучи насыщен остатками разновременных построек. В сельской усадьбе его практически нет. Сюда боярин приезжал ненадолго и не каждый год для личного контроля за полевыми работами (как это делала, к примеру, мать посадника Онцифора Лукинича), но никогда не жил здесь постоянно. Владея громадными вотчинами вне Новгорода, он всегда оставался горожанином. И не просто горожанином, а новгородцем, столичным жителем.

Свой город он называл просто городом. «Велишь мне ехать в город или сам поезжай сюда», — пишет в XIV в. боярину Феликсу его родственница Феврония (грамота № 415). В том же столетии некий Гаврила Посения приглашает в гости своих родственников: «Поклон от Гаврилы Посени к зятю моему Григорию, к куму и к сестре моей Улите. Поехали бы вы в город к радости моей, а своего обещания не отложили. Дай бог вам радости. Мы же все свое обещание помним» (грамота № 497). «А дороганичей (жителей деревни Дороганичи) шли в город», — советует в конце XII в. Петр своему адресату Авраму Матвеевичу (грамота № 550). И этой особенности есть свое объяснение.

Если взглянуть на карту древнерусских городов (такие карты составлены по данным письменных и археологических источников), то легко заметить, что они расположены очень неравномерно. На Киевщине, на Волыни, в Белоруссии, в центральной Руси их

много. В Новгородской земле городов почти нет. Только Руса и Ладога возникли рано. Остальные — такие, как Порхов, Копорье, Ивангород, Ямы, Орешек, — строились в сравнительно позднее время как крепости, защищавшие Новгород на дальних подступах к нему.

Одной из главных причин обилия городов в русских княжествах было стремление тамошних бояр к независимости от своего князя-сеньора. Центром жизни такого боярина оказывалась загородная усадьба-замок, где он становился князем, самовластно распоряжаясь зависимыми от него людьми. Вокруг таких замков вырастали посады, превращая усадьбу в город.

В Новгороде, напротив, боярин стремился в столицу, и его самостоятельность там укреплялась участием в боярском управлении, возможностью добиться высокого государственного поста, вплоть до избрания в посадники. Такая концентрация бояр в городе и была одной из самых важных причин победы республиканского боярского строя. Располагая более чем значительными земельными богатствами за пределами Новгорода, но живя в самом Новгороде, они противостояли князю как собранная в один кулак значительная сила, оказавшаяся способной победить князя и взять власть в собственные руки.

То, что рассказано о концентрации новгородских землевладельцев в Новгороде, имеет самое прямое отношение к обилию новгородских берестяных грамот. После того как они были открыты в Новгороде, археологи стали обнаруживать их и при раскопках других древнерусских городов. 14 берестяных грамот найдено в разные годы в Старой Руссе, 10 — в Смоленске, 4 — в Пскове, одна — в Витебске. Конечно, масштаб раскопок этих городов не идет ни в какое сравнение с новгородским. И, нужно думать,

увеличение археологических работ со временем приведет к значительному пополнению этих берестяных коллекций. Но, по-видимому, число новгородских берестяных грамот всегда будет во много раз превосходить их количество в других городах, где береста сохраняется хорошо. Ведь само берестяное письмо вызвано к жизни необходимостью дальнего общения. Передать что-либо другому человеку, живущему неподалеку, легче было, навестив его. В Новгороде необходимость такого дальнего общения была более настоятельной, чем где-нибудь еще на Руси, поскольку нигде больше не наблюдается столь массового территориального разделения землевладельцев и их земельных владений. И подавляющее большинство берестяных писем, найденных на боярских усадьбах, написано далеко от Новгорода, там, где жили крестьяне, в деревнях и селах Новгородской земли.



Слово мальчику Онфиму

Сделав такое наблюдение, нам следует теперь остановиться на том результате открытия берестяных грамот, который раньше всех привлек к ним внимание историков. Речь идет об установлении замечательного для истории русской культуры явления: написанное слово в новгородском средневековом обществе вовсе не было диковинкой. Оно было привычным средством общения между людьми, распространенным способом беседовать на расстоянии, хорошо осознанной возможностью закреплять в

Грановитая палата Кремля

записях то, чего не может долго удержать память. Переписка служила новгородцам, занятым не в какой-то узкой сфере специальной деятельности. Она не была профессиональным признаком. Она стала повседневным явлением.

Разумеется, семьям, жившим некогда на территории раскопанных археологами усадеб, была свойственна разная степень грамотности. Рядом с грамотными людьми жили неграмотные, и рядом с образованными семьями жили необразованные. Это естественно. Но для нас важнее то, что рядом с неграмотными людьми и семьями жило много грамотных людей и семей, для которых чтение и письмо стали таким же естественным делом, как еда, сон, работа. Уже само количество найденных грамот поразительно и способно навсегда перечеркнуть мнение об исключительной редкости грамотных людей в Древней Руси. Еще более внушителен состав авторов и адресатов писем. Кем и кому они написаны?

Феодалы пишут своим управляющим, ключникам. Ключники пишут своим господам. Крестьяне пишут своим сеньорам, а сеньоры — своим крестьянам. Одни бояре пишут другим. Прихожане пишут своим попам, а попы — прихожанам. Ростовщики переписывают своих должников. Ремесленники переписываются с заказчиками. Мужья обращаются к женам, а жены — к мужьям. Дети пишут родителям, а родители — детям.

Вот грамота № 242, документ XV в.: «Цолобитье от Кощея и от половников. У кого кони, а те хude, а у иных нет. Как, осподине, жалуешь хрестыян? А рожь, осподине, велишь мне молотить, как укажешь». Авторы письма — ключник и крестьяне, обрабатывающие господскую землю за половину урожая. Они жалуются на бедность и отсутствие коней: «У кого кони есть, те плохи, а у других вовсе нет».

Онфим еще не умел считать. У одного чело-
вечка он изобразил по
3 пальца на руках,
а у другого — много
больше.



Или грамота № 288, написанная в XIV в.: «...хаму
3 локти ...золотнике зеленого шолку, другии церле-
ного, третий зеленого жолтого, золотник белил на
белку, мыла на белку бургальского, а на другую бел-
ку...» Хотя в письме нет ни начала, ни конца, можно с
уверенностью говорить, что это запись и расчет
заказа какого-то вышивальщика или вышивальщи-
цы. Полотно — по-древнерусски «хам» — нужно
было выбелить бургальским (т. е. городским) мылом
и белилами и расшить разноцветными шелками —
зеленым, красным и желто-зеленым.

В грамоте № 21, написанной в начале XV в.,
заказчик обращается к мастерице: «...озцинку вытка-
ла, и ты ко мне пришли, а не угодиче с ким прислать,

и ты у себе избели». Автор грамоты получил уведомление, что холсты — «озцинка» — для него вытканы, и просит прислать их ему. А если прислать не с кем, то пусть ткачиха эти холсты выбелит сама и ждет дальнейших распоряжений.

Грамота № 125, брошенная в землю в конце XIV в., не указывает на занятия автора письма и его адресата, но, думается, что они люди небогатые: «Поклон от Марине к сыну к моему Григорью. Купи ми зендянцу добру. А куны яз дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издей при себе да привези семо». Зендянцей называлась хлопчатобумажная ткань бухарского происхождения, по местности Зендене, где ее стали изготавливать раньше, чем в других селениях. Куны — древнерусское название денег. Если бы Григорий был богатым человеком, вряд ли его матери пришлось бы посылать деньги на нужную ей покупку с оказией. У Григория своих денег могло не оказаться, и мать посылает ему нужную сумму из своих сбережений.

Примеров можно было бы приводить много. Их приносил и будет приносить каждый год раскопок, подтверждая при этом одно замечательное обстоятельство. Оказалось, что **грамотность в Новгороде неизменно процветала** не только в домонгольское время, но и в ту эпоху, когда вся Русь переживала тяжкие последствия монгольского нашествия.

Из 394 грамот, найденных на Неревском раскопе в условиях, позволяющих точно определить время их написания, в слоях XI в. найдено 7 грамот, в слоях XII в. их оказалось 50, в XIII в. в землю было брошено 99 грамот, в XIV в. — 164, а в XV в. — 74. Резкое уменьшение их количества в XV в. объясняется тем, что в слоях второй половины этого столетия береста не сохраняется и, следовательно, 74 грамоты XV в. найдены в слоях только первой половины этого столетия. Они падали в землю не сто, а лишь пятьдесят лет.

Такой неуклонный культурный прогресс, нужно полагать, был особенностью Новгорода. И дело не только в том, что монгольское нашествие остановилось за сто верст от его городских ворот. Хотя Новгород и не испытал трагедии военного разрушения и разграбления своих жилищ и храмов, на него, как и на всю Русь, легло тяжкое иго Золотой Орды. Дело здесь в том, что именно к концу XIII — первой половине XV в. относится эпоха расцвета «великой русской республики средневековья». Вечевой строй, который использовался боярами как орудие их власти над остальным населением, все же больше способствовал развитию активности народных масс в политической и культурной жизни, чем княжеское самовластье в других средневековых русских центрах. И не случайно расцвет культуры в Новгороде совпадает с эпохой расцвета республиканского строя.

Все это так, но как доказать, что берестяные письма, добытые из-под земли, написаны собственно-ручно их авторами и что их читали сами адресаты? Ведь вполне может быть, что читали и писали письма немногочисленные грамотные люди, писцы-профессионалы, зарабатывавшие своей грамотностью кусок хлеба. Попробуем ответить на этот достаточно серьезный вопрос.

Разумеется, какое-то количество берестяных писем исходит от неграмотных людей и написано по их просьбе грамотными. Таковы некоторые крестьянские письма. Их авторами названы ключники феодалов, но ключники пишут не от себя или не только от себя, а от жителей той или иной деревни. Какое-то количество писем исходит от грамотных людей, но написано не ими, а другим человеком. Таковы грамоты некоторых крупных феодалов, исходящие от одного человека, но написанные разными почерками. Важный господин диктовал свое письмо или поручал ключнику написать за него и от его имени. Однако в

большинстве случаев в письмах, исходящих от одного и того же человека, почерк совпадает детально.

Это наблюдение все же не может быть решающим. Ведь большинство авторов известно нам по единичным письмам. И здесь уж не угадаешь, сам ли автор выдавливал буквы на бересте или диктовал другому человеку. Решающие показания дала не береста, а находки, тесно с нею связанные — те самые стержни-писала, которыми написаны все берестяные грамоты.

Таких писал на Неревском раскопе найдено свыше семидесяти. Далекий предок современной авторучки в средневековом Новгороде был не редким предметом, а такой же распространенной бытовой вещью, как гребень или нож. И наивно было бы думать, что семьдесят писал потеряно в усадьбах по Великой улице профессиональными писцами, пришедшими написать или прочесть письмо. Они потеряны людьми, жившими здесь и писавшими свои письма без посторонней помощи.

Фигура новгородца, к поясу которого привешено неразлучное с ним писало, стала известной в результате раскопок, но ее смутное отражение на стенах новгородских церквей историки наблюдали и раньше, не различая, правда, важной для нас детали.

Стены многих новгородских церквей покрыты древними процарапанными надписями. Такие надписи — их называют «граффити» — в изобилии испещрили стены Софийского собора, знаменитых церквей Спаса-Нередицы, Федора Стратилата, Николы на Липне и многих других. Часть этих надписей — служебного характера. Например, в церквях Спаса-Нередицы и Николы на Липне в алтаре, где во время богослужения находились священнослужители, на стенах для памяти записаны дни, в которые в молитвах нужно было помянуть разных умерших новго-

родцев. Но большинство надписей обнаруживается там, где во время службы молились прихожане.

Своим происхождением граффити обязаны скуке церковного обряда. Вместо того чтобы молиться, прихожане извлекали из кожаных чехлов свои «перья» и царапали стены. Порой надписи кажутся благочестивыми: «Господи, помоги рабу своему», но чаще мысли владельца писала были далеки от благочестия. Он оставлял деловые записи, подобные текстам на бересте. Так, на одном из столбов церкви Спаса-Нередицы нацарапано: «На Лукин день взяла проскурница пшеницю». Или рисовал картинки. Или повторял азбуку, особенно если ему было немного лет. Судя по расстоянию от пола, многие граффити нацарапаны детьми. И во всех случаях инструментом для письма на штукатурке служил стержень, изобретенный специально для письма на бересте. Вполне понятно, что до открытия берестяных грамот обилие надписей, нацарапанных на церковных стенах, казалось загадочным, а орудием письма на штукатурке считали обыкновенный гвоздь, нож или шило.

Обнаружив столь широкое распространение грамотности в Новгороде, мы не можем не заинтересоваться, как эта грамотность пробивала себе дорогу, как происходило обучение грамоте. Кое-какие сведения можно было почерпнуть из известных раньше письменных источников.

Летопись под 1030 г. сообщает, что князь Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал «от старост и поповых детей 300 учить книгам». В житиях некоторых новгородских святых, написанных еще в средние века, рассказывается о том, что они учились в школах, причем об этом говорится как о вещи вполне обычной. Наконец, на знаменитом Стоглавом соборе в 1551 г. прямо заявлено: «...прежде сего училища бывали в Российском царствии на Москве и в Великом Новгороде и по иным градам». Обилие берестя-

ных грамот дало новую жизнь этим свидетельствам, показав, что обучение грамоте действительно было в Новгороде хорошо поставленным делом. Нужно было искать на самой бересте следы этого обучения, тем более что и в граффити новгородских церквей отразились упражнения маленьких новгородцев, царапавших азбуку во время скучного богослужения.

Первая такая грамота была найдена еще в 1952 г. Это небольшой обрывок, получивший номер 74. На нем неуверенным, неустановившимся почерком нацарапано начало азбуки: «абвгдежз...» Потом писавший запутался и вместо нужных ему по порядку букв стал изображать какие-то их подобия.

Новая и самая значительная находка запечатленных на бересте ученических упражнений была сделана в 1956 г. в памятные для всей экспедиции дни — 13 и 14 июля. В эти два дня было обнаружено семнадцать берестяных свитков. И шестнадцать из них — на площади в каких-нибудь десять квадратных метров. Эта охапка берестяных листов была брошена в землю одновременно между 1224 и 1238 гг.

Мы будем знакомиться с этими грамотами в том порядке, в каком они появлялись перед участниками экспедиции. Первой нашли грамоту № 199. Это не был специально подготовленный для письма лист бересты. Длинная надпись грамоты сделана на овальном донышке небольшого лукошка, которое, отслужив свой срок, было отдано ребенку и использовано им как писчий материал. Овальное донышко, сохранившее по краям следы прошивки, было укреплено перекрещивающимися широкими полосами бересты. Вот эти-то полосы и заполнены записями.

На первой полосе старательно выписана вся азбука от **а** до **я**, а затем следуют склады: **ба, ва, га, да...** и так до **ща**, потом: **бе, ве, ге, де...** до **ще**. На второй полосе упражнение продолжено: **би, ви, ги, ди...** и доведено только до **си**. Дальше просто не

хватило места. Иначе мы прочли бы и **бо**, **во**, **го**, **до...** и **бу**, **ву**, **гу**, **ду...**

Способ учения грамоте по складам был хорошо известен по свидетельствам XVI—XVIII вв., он существовал у нас в XIX и даже в начале XX в. О нем часто рассказывали писатели, изображавшие первые шаги в овладении грамотой. Все знают, что буквы на Руси назывались так: **а** — «аз», **б** — «буки», **в** — «веди», **г** — «глаголь» и т. д. Ребенку было очень трудно осознать, что «аз» означает звук **а**, «буки» — звук **б**. И только заучивая слоговые сочетания «буки-аз» — **ба**, «веди-аз» — **ва**, ребенок приходил к умению читать и понимать написанное.

Ребенок, записавший азбуку и склады в грамоте № 199, просто упражнялся, ведь он уже умел читать и писать. В этом мы убедились, перевернув наше берестяное доньшко. Там в прямоугольной рамке написано знакомым почерком: «Поклон от Онфима к Даниле».

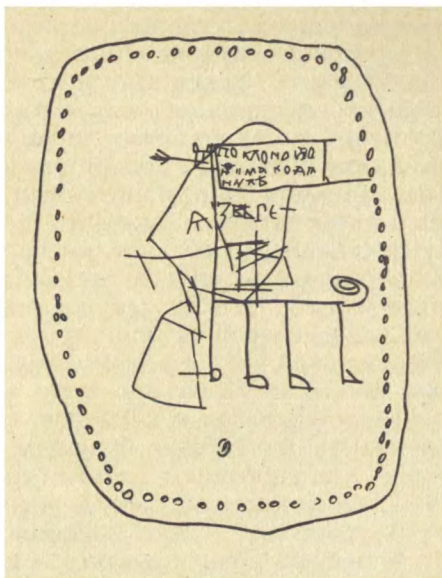
Потом мальчик Онфим (теперь мы знаем его имя) принялся рисовать, как рисуют все мальчики, когда им наскучит писать. Он изобразил страшного зверя с торчащими ушами, с высунутым языком, похожим на еловую ветку или на оперение стрелы, с закрученным в спираль хвостом. И, чтобы замысел нашего художника не остался непонятым возможными ценителями, он дал своему рисунку название: «Я звере» — «Я зверь».

Найдя первую грамоту, мы могли только догадываться, что этого мальчика звали Онфимом, что, выписывая слова поклона, подражая в этом взрослому, он адресовался к своему товарищу Даниле, вероятно, сидевшему здесь же, рядом с ним. Ведь могло оказаться, что он просто скопировал начало чьего-то письма, случайно попавшего в его руки. Но следующая находка археологов все поставила на место.

Грамота № 200 почти целиком заполнена рисунком маленького художника, уже знакомого нам своей «творческой манерой». Маленький художник мечтал о доблести и о подвигах. Он изобразил некое подобие лошади и всадника на ней, который копьем поражает брошенного под копыта лошади врага. Около фигуры всадника помещена пояснительная надпись: «Онфиме». Мальчик Онфим нарисовал свой «героизированный автопортрет». Таким он будет, когда вырастет: мужественным победителем врагов Новгорода, смелым всадником, лучше всех владеющим победоносным копьем. Что же, Онфим родился в героический век новгородской истории, в век Ледового побоища и Раковорской битвы, в эпоху великих побед Александра Невского. И на его долю наверняка с лихвой досталось схваток и подвигов, свиста стрел и стука мечей. Но, помечтав о будущем, он вспомнил настоящее и на свободном клочке бересты рядом с «автопортретом» написал: «абвгдежззиік».

В грамоте № 201, найденной в тот же день, 13 июля, мы познакомились и с соседом Онфима по школьной скамье. Здесь снова была выписана азбука и склады от **ба** до **ща**, но почерк был другим, не онфимовским. Может быть, это упражнения Даниила, к которому Онфим обращался со словами приветов?

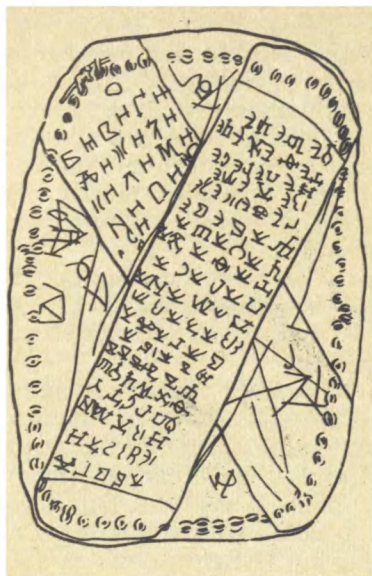
Грамота № 202. На ней изображены два человека. Их поднятые руки напоминают грабли. Число пальцев-зубцов на них — от трех до восьми. Онфим еще не умеет считать. Рядом надпись: «На Домире взяти доложживе» — «На Домире взять, доложив». Еще не умея считать, Онфим делает выписки из документа о взятии долгов. Прописями для него послужила деловая записка, самый распространенный в средневековом Новгороде вид берестяной грамоты. В то же время в этой грамоте хорошо чувствуется, как Онфим набил руку в переписывании азбуки. В слово «доложив» он вставил лишнюю букву **з**, получилось



«доложзив». Он так привык в своей азбуке писать з после ж, что рука сама сделала заученное движение.

В грамоте № 203 — законченная фраза, хорошо известная по надписям на стенах новгородских церквей: «Господи, помози рабу своему Онфиму». Это, вероятно, одна из первых фраз, с каких начиналось овладение письмом. Встречая ее на стенах церквей рядом с процарапанными буквами азбук, мы должны всякий раз предполагать не столько благочестие писавшего — какое уж тут благочестие, если он царапает церковную стену во время богослужения, — а скорее всего его склонность к постоянному воспроизведению знаний, усвоенных в первых школьных упражнениях, склонность, встающую перед нами из

На её обороте Онфим
нарисовал зверя и написал:
«Я зверь».



большинства грамот Онфима, которые написаны им не для учителя, а для себя. Иначе вряд ли он стал бы и писать, и рисовать на одном листе бересты.

Рядом с надписью грамоты № 203 снова изображены две схематические человеческие фигуры. И снова у них на руках противоестественное количество пальцев — три или четыре.

Грамота № 204 — одно из упражнений в письме по складам. Выписывая склады от *бе* до *ще*, Онфим предпочитает заниматься привычным упражнением. Он не справился с попыткой написать какой-то связный текст, начинающийся словами «Яко же».

Грамота № 205 — полная азбука от *а* до *я*. Здесь же начало имени Онфим и изображение ладьи —

одной из тех, какие Онфим каждый день видел на Волхове.

Грамота № 206 — сначала бессмысленный набор букв, — возможно, попытка изобразить дату, но попытка неудавшаяся, в чем вряд ли следует винить Онфима, еще не научившегося даже считать пальцы на руке. Потом упражнение в письме по складам — от **ба** до **ра**. И наконец, внизу — семь взявшихся за руки человечков «в манере Онфима» с разнообразным количеством пальцев на руках.

Грамота № 207 — одна из интереснейших. Ее текст написан уже хорошо знакомым нам почерком Онфима: «Яко с нами бог, услышите да послу, яко же моличе твое, на раба твоего бог».

На первый взгляд, здесь только бессмысленный набор слов, подражающий церковным песнопениям. По первому впечатлению, Онфим заучил на слух какие-то молитвы, не понимая их содержания и смысла звучащих в них слов. И эту тарабарщину перенес на бересту. Однако возможно и другое толкование безграмотной надписи. Известно, что в старину обучение носило в основном церковный характер. Чтению учились по псалтырю и часослову. Может быть, перед нами один из диктантов, еще один шаг Онфима в овладении грамотой после уже усвоенных им упражнений в письме по складам.

Грамота № 208 — крохотный обрывок бересты с немногими буквами. Почерк снова выдает Онфима.

В грамоте № 210, также изорванной, изображены люди и около них остатки надписей, не поддающихся истолкованию. И наконец, еще пять берестяных листов нельзя причислять к грамотам. На них нет ни одной буквы, поэтому они не включены в общую нумерацию исписанной бересты. Это рисунки Онфима. На одном неимоверно длинная лошадь, на ней сидят сразу два всадника. Наверное, отец не раз сажал Онфима позади себя на коня. В отдалении еще

один всадник, поменьше. Другой рисунок — батальная сцена. Скачут три всадника с колчанами на боках. Летят стрелы. Под копытами коней лежат поверженные враги. На третьем рисунке снова всадник. На четвертом — два человека, один из них со страшной физиономией, с вытаращенными глазами, широкими плечами и крохотными ручками, похожий на какое-то кошмарное видение. На пятом рисунке два воина в шлемах, изображенных в полном соответствии с археологически известными шлемами XIII в.

Итак, мы познакомились с мальчиком Онфимом. Сколько ему лет? Точно установить этого нельзя, но, вероятно, около шести-семи. Он еще не умеет считать, и его не учили цифрам. Сам рисунок, пожалуй, указывает на тот же возраст. Эти наблюдения соответствуют и некоторым письменным свидетельствам, сохранившимся в известных ранее источниках. В житиях святых, составленных в средние века, рассказ об обучении грамоте «на седьмом году» превратился даже в своего рода шаблон. Тот же возраст называют и рассказы об обучении русских царевичей. Алексей Михайлович получил в подарок от своего деда патриарха Филарета азбуку, когда ему было четыре года. В пять лет он уже бойко читал часослов. Когда его сыну Федору Алексеевичу было шесть лет, его учитель получил награду за успехи в обучении царевича. А Петр I читал даже в четыре года. Это сведения XVII в. От более раннего времени сохранилось достоверное свидетельство об обучении в Новгороде в 1341 г. грамоте тверского княжича Михаила Александровича, которому тогда было около восьми лет. Теперь же мы получили свидетельства еще более ранние.

Находки берестяных азбук продолжались и в следующие годы в других районах Новгорода. Обрывок азбуки конца XIII в. обнаружен в 1967 г. в рас-

копе на Буяной улице Торговой стороны. В 1970 г. тоже на Торговой стороне обрывок азбуки первой половины XIII в. оказался в числе берестяных грамот раскопа на древней Михайловой улице. А в 1969 г., когда раскоп был заложен на Софийской стороне, неподалеку от Неревского, в нем удалось найти самую старую на сегодняшний день целую берестяную азбуку начала XII в.

Однако вернемся к Неревскому раскопу. На следующий год, после того как мы познакомились с Онфимом, в 1957 г. были найдены и первые ученические упражнения в цифровом письме. Нужно сказать, что цифры в Древней Руси не отличались от обыкновенных букв. Цифру 1 изображали буквой а, цифру 2 — буквой в, цифру 3 — буквой г и т. д. Чтобы отличить цифры от букв, их снабжали особыми значками — черточками над основным знаком, однако так делали не всегда. Некоторые буквы в качестве цифр не использовались, например б, ж, ш, щ, ь, ы, ъ. И порядок цифр несколько отличался от порядка букв в азбуке. Поэтому, когда мы видим, например, такую запись: «авгdez», мы из-за того, что пропущены буквы б и ж, знаем, что это цифры, а не начало азбуки. Именно с такой записью экспедиция встретилась в грамоте № 287, а затем в грамоте № 376. Кстати, последняя запись сделана также на доньшке отслужившего свой срок берестяного лукошка: маленьких новгородцев не особенно баловали, для их школьных упражнений годилась любая береста. В обеих грамотах было лишь по несколько цифр. А в грамоте № 342, найденной в 1958 г. в слоях XIV в., воспроизведена вся система существовавших тогда цифр. Сначала идут единицы, затем десятки, сотни, тысячи и наконец десятки тысяч, вплоть до обведенной кружком буквы д. Так изображалось число 40 000. Конец грамоты оборван.

Со временем наверняка будут найдены и упраж-

нения маленьких новгородцев в арифметике. Однако уже сейчас, когда мы убедились, что методы обучения грамоте в древнем Новгороде были в общем такими же, как и в XVI—XVII вв., мы гораздо яснее представили себе способ, с помощью которого грамотность в Новгороде сделала поразительные успехи в эпоху, в которой иные исследователи видели только дикость и невежество.

Еще одна берестяная грамота ценна тем, что, воскрешая крохотный эпизод XIV в., перебрасывает мостик от обычаев и шуток школяров времени Ивана Калиты к обычаям и шуткам школяров современников Гоголя и Помяловского. В 1952 г. на Неревском раскопе была обнаружена грамота № 46, сначала поставившая всех в тупик. В этой грамоте нацарапаны две строки, правые концы которых не сохранились. В первой строке следующий текст: «нвжпсндмкзатсцт...», во второй — не менее «содержательная» надпись: «еeyaеуааахоеиа...».

Что это? Шифр? Или бессмысленный набор букв? Не то и не другое. Напишите эти две строки одну под другой, как они написаны в грамоте:

Н В Ж П С Н Д М К З А Т С Ц Т...

Е Е Я И А Е У А А А Х О Е И А...

и читайте теперь по вертикали сначала первую букву первой строки, потом первую букву второй строки, затем вторую букву первой строки и вторую букву второй строки, затем вторую букву первой строки и вторую букву второй строки и так до конца. Получится связная, хотя и оборванная фраза:

«невежя писа, недума каза, а хто се цита...» — «Незнающий написал, недумаящий показал, а кто это читает...» Хотя конца и нет, ясно, что того, «кто это читает», обругали.

Не правда ли, это напоминает известную школярскую шутку: «Кто писал — не знаю, а я, дурак,

читаю»? Представляете себе этого недоросля, который придумывал, как бы ему позамысловатее разыграть приятеля, сидящего рядом на школьной скамье?

Чтобы закончить рассказ о том, как средневековые новгородцы обучались грамоте, нужно разобратся еще в одном интересном вопросе. Каждому человеку хорошо известно, как много бумаги теперь требует обучение грамоте; как много каждый школьник пишет упражнений и выбрасывает испорченных листов. Вероятно, и в древности, чтобы научить малыша читать и писать, нужно было израсходовать массу писчего материала, который не к чему было хранить. Грамоты Онфима лишний раз убедили нас в этом. Они написаны самое большее за несколько дней. А таких дней, из которых составлялись месяцы школьного учения, было очень много. Почему же среди берестяных грамот ученические упражнения встречаются сравнительно редко?

Ответ на этот вопрос был получен во время раскопок на Неревском конце. Там в разное время и в разных слоях экспедиция нашла несколько дощечек, напоминающих крышку пенала. Одна из поверхностей таких дощечек, как правило, украшена резным орнаментом, а другая углублена и имеет бортик по краям, а по всему доньшку образовавшейся таким образом выемки — насечку из штриховых линий. Каждая дощечка имеет на краях по три отверстия. Ей соответствовала такая же парная дощечка, и при помощи дырочек они связывались друг с другом орнаментированными поверхностями наружу.

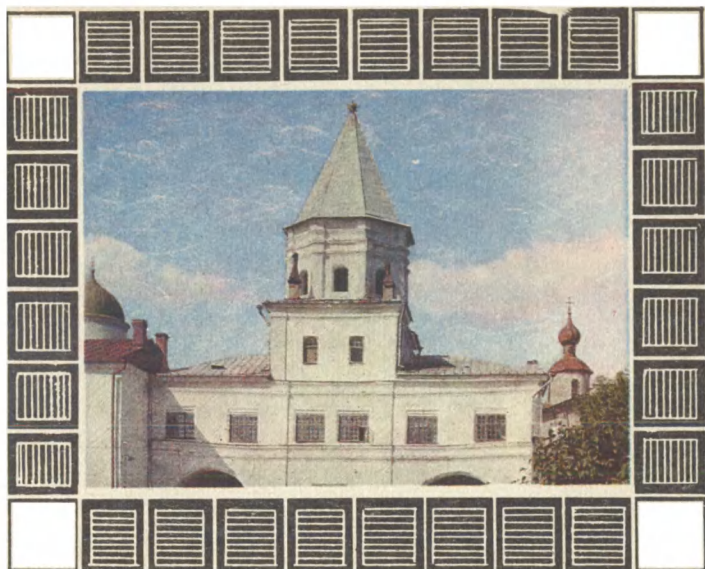
На одной из дощечек, найденной в слое первой половины XIV в., вместо орнамента тщательно вырезана азбука от **а** до **я**, и эта находка дала нужное толкование всей группе загадочных предметов. Они употреблялись для обучения грамоте. Выемка на них заливалась воском, и маленькие новгородцы писали

свои упражнения главным образом не на бересте, а на воске. Стало понятным и назначение лопаточки, почти обязательной на концах многочисленных писал, найденных при раскопках. Этой лопаточкой заглаживалось написанное на воске. Азбука, помещенная на поверхности одной из дощечек, служила пособием. На нее ученик смотрел, списывая буквы. Если же, обучаясь письму, маленькие новгородцы прибегали в основном к воску, то и редкость школьных упражнений на бересте не должна нас удивлять.

Понятным становится также, почему Онфим, уже умея писать, снова выписывает на бересте азбуку и склады. Письмо на бересте было вторым этапом обучения. Переход от воска к бересте требовал более сильного нажима. И, научившись выводить буквы на мягком воске, нужно было снова учиться технике письма на менее податливой березовой коре.

Понятным оказывается и другое. На Руси очень долго не существовало скорописи. Когда в XVI в. Иван Федоров изготовил свой первый печатный шрифт, образцом ему послужили распространенные тогда рукописные почерки. Еще в XVI в. писали буквами, которые мы называли бы печатными.

Распространение беглого письма прямо связано с распространением бумаги. Очевидно, что если почерк окончательно вырабатывался на бересте, то и на пергамене писали так, как когда-то были обучены. А берестяное письмо требует простых линий и значительного усилия. На бересте трудно писать мелкими буквами и еще труднее достигнуть взаимосвязанности букв, плавности и непрерывности штриха. Думается, что физические трудности берестяного письма формировали и самый литературный стиль Древней Руси — умение скупыми, но всегда выразительными словами передать существо мысли. Этот стиль не терпит словесных украшений. Ведь каждое лишнее слово это и лишнее усилие.



Усадьба и город

Вернемся, однако, на городскую боярскую усадьбу. Выше упоминались берестяные грамоты, адресованные ремесленникам или связанные с ремесленным производством. А еще раньше, когда речь шла о новгородском ремесле, говорилось о многочисленных следах производства и об остатках специализированных мастерских, которые достаточно часто встречаются во время раскопок. Особенно много таких следов было обнаружено на Неревском раскопе, все усадьбы которого принадлежали крупным землевла-

Воротная башня Гостиного двора

дельцам. Каким же образом совмещается несомненная боярская принадлежность усадьбы с остатками на ней ремесленной деятельности? И было ли такое сочетание особенностью только исследованного на Неревском конце участка?

Ответить на второй вопрос смогли раскопки в других районах Новгорода. Оказалось, что сочетание с ремеслом свойственно всем без исключения боярским усадьбам Новгорода. Везде большие усадьбы включали в свой состав кроме господских хором, домов челяди и различного рода хозяйственных построек — от помещения для скота до поварни и бани — также и производственные ремесленные комплексы. Поскольку работавшие в них ремесленники жили не на своей собственной земле, не в своих собственных дворах, а во дворе и на земле феодала, значит, в таких случаях археологи имеют дело не со свободными, а с вотчинными, зависимыми от владельца усадьбы ремесленниками, отдававшими господину значительную часть доходов от своего производства и, по-видимому, получавшими от господина сырье.

На первый взгляд, такие отношения должны были вызывать мысли о натуральном хозяйстве. Ведь в любой усадьбе, поддерживающей такой способ хозяйствования, проявляется постоянное стремление ни в чем не зависеть от рынка, а все производить руками живущих здесь же и подчиненных своему сеньору мастеров. Однако такой вывод оказывается совершенно неверным. Если бы на городской боярской усадьбе процветало натуральное хозяйство, мы наблюдали бы всякий раз очень разнообразный набор ремесленных производств. В действительности раскопки на каждой усадьбе обнаруживают остатки одного, во всяком случае, не более двух ремесел. В одних случаях это бывает кожевенная мастерская, в других — ювелирная или костерезная и т. д. Если на какой-либо боярской усадьбе с утра до

вечера каждый день трудились кожевники, шившие обувь, или изготовлявшие рукавицы, или кроившие пояса, очевидно, что количество их продукции намного превышало потребности самой усадьбы. С другой стороны, и владелец усадьбы, и другие ее жители нуждались не только в обуви, рукавицах и поясах, а также и во многом другом, чего на этой усадьбе сами не делали. Следовательно, вотчинное боярское ремесло не только не похоже на производство усадьбы, живущей натуральным хозяйством, но диаметрально противоположно ему. Оно связано с рынком, работает на рынок и приносит боярину доход прежде всего потому, что и рассчитано главным образом на рынок. В его основе лежат товарно-денежные отношения, а не стремление удовлетворить все потребности натуральным путем.

Ремесленная мастерская неотделима от боярского хозяйства, как неотделимы от него принадлежавшие боярину пашни, луга, леса и рыбные ловы. Извлекая из нее прибыль, боярин и сам нес ради этой прибыли некоторые расходы. О таких расходах в сельском хозяйстве мы узнаем из берестяных грамот. «Поклон от Михаила к осподину своему Тимофию. Земля готова, надобе семяна» — читаем мы в грамоте № 17. «Поклон от Кондрата осподину своему Юрью и ото всих селян. Что еси, осподине, коне подавал...» — так начинается грамота № 446, крестьянское письмо Юрию Онцифоровичу. В одних случаях господин вынужден был давать крестьянам семена, в других — коней, иначе земля не будет вспахана и засеяна, а господин лишится своей доли урожая. Так же он наверняка вынужден был заботиться и о снабжении принадлежащей ему мастерской необходимым для ее работы сырьем, только здесь берестяной переписки не требовалось, поскольку мастерская находилась рядом с его хоромами. Впрочем, читая в одной из грамот список лиц, которые давали господину разные

количества «timo» — сафьяна (грамоты № 261—264), можно предположить, что такой специализированный оброк был нужен для поддержания вотчинного кожевенного производства.

В процессе исследования городской усадьбы возник один чрезвычайно интересный и нелегкий для решения вопрос. Писцовые книги конца XV в., исчисляющие сельскохозяйственные угодья Новгородской земли, позволяют говорить о значительном неравенстве богатств новгородских феодалов. Одни боярские семьи владели громадным количеством земли и распоряжались многими сотнями зависимых от них крестьян, извлекая и колоссальные доходы со своих вотчин. Владения других были менее значительными. Это более чем естественно в средневековом обществе. Нужно думать, что, например, Онцифоровичи, более ста лет руководившие новгородской политикой, были куда богаче некоторых их соседей-бояр, не добившихся такого же положения в управлении Новгородом.

Между тем, переходя от одной усадьбы к другой, мы не обнаруживаем ощутимого различия между ними. Все усадьбы Неревского раскопа, как уже говорилось, примерно одинаковы по своим размерам — от 1200 до 2000 квадратных метров. На всех имеется примерно одинаковый набор построек, включающий хоромы, хозяйственные сооружения, ремесленные мастерские. На всех усадьбах археологи извлекают из земли примерно одинаковый набор бытовых предметов. Правда, на усадьбе Юрия Онцифоровича в конце XIV в. был построен каменный дом — редкий для Новгорода показатель исключительного богатства его хозяина. Но это случилось достаточно поздно. В более раннее время, когда каменный дом еще не был построен, усадьба Юрия Онцифоровича и его знаменитого отца не отличалась от усадеб их ничем не прославивших себя соседей.

Возникло недоумение: если бы на всех этих усадьбах не были обнаружены берестяные грамоты, существовала бы какая-нибудь возможность определять, что в поле зрения археологов оказались жилища столь богатых и влиятельных граждан Новгорода? На подобный вопрос можно было ответить только отрицательно. Но значит ли это, что, невзирая на степень богатства, все боярские семьи в Новгороде владели совершенно одинаковыми усадьбами, различающимися только по именам их хозяев? Зная о многоступенчатой иерархии феодального общества, в частности об известном по письменным источникам делении самого боярства на «бояр великих» и «бояр меньших», мы даже на минуту не можем допустить такой нивелировки. В чем же дело?

Ответ был получен, когда все берестяные грамоты, найденные на Неревском раскопе, были положены на сводный план открытых здесь усадеб. Оказалось, что семье Онцифоровичей в пределах исследованного участка принадлежала не одна, а три или четыре усадьбы, расположенные в южной части раскопа, у перекрестка Великой улицы с Козмодемьянской. Более того, уже в ходе раскопок 1951—1962 гг. было предположено, что этими тремя или четырьмя усадьбами территория владений Онцифоровичей не ограничивается, что эти усадьбы составляют лишь пограничную часть большой территории города, принадлежавшей одной боярской семье. За пределами раскопа были намечены некоторые ориентиры, на связь которых с боярской семьей Онцифоровичей указывали хорошо известные ранее письменные источники.

Один из таких ориентиров — церковь Сорока мучеников, существовавшая некогда в 150 метрах к югу от Неревского раскопа, в направлении к Кремлю. В ней в 1316 г. похоронен Юрий Мишинич, а в 1342 г. — Варфоломей Юрьевич. Другой ориентир —

церковь Спаса на Разваже улице, в 80 метрах к западу от Неревского раскопа, построенная в 1421 г. по инициативе Лукьяна Онцифоровича, родного брата Юрия Онцифоровича; эта церковь была разрушена в XVII в. Третий ориентир — также не существующая сегодня церковь Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице, в 40 метрах к западу от Неревского раскопа. Сюда в 1400 г. Юрий Онцифорович с другими боярами, как и он, прихожанами этой церкви, подарил богослужебную книгу.

Вполне логичной была мысль о том, что все пространство между Неревским раскопом и перечисленными здесь церквами входило в состав территории, принадлежавшей роду Онцифоровичей. Чтобы проверить это предположение, нужно было исследовать новые участки, расположенные в этом пространстве. Если и здесь найдутся грамоты, адресованные Онцифоровичам, — значит, действительно, их владения не ограничивались исследованными на Неревском раскопе усадьбами.

Летом 1969 г. новый небольшой раскоп был заложен между старым Неревским — примерно в 50 метрах от него — и местом церкви Спаса на Разваже улице. И первая же берестяная грамота, найденная здесь (ей присвоили номер 446), оказалась адресованной Юрию Онцифоровичу. Были обнаружены и другие подтверждения принадлежности участка роду Онцифоровичей. Эта проверка высказанного предположения, как кажется, подтвердила его. Если действительно все очерченное только что пространство принадлежало одному боярскому роду, то городские владения такого рода включали 10—15 компактно расположенных усадеб. Но на этих усадьбах кроме самих бояр жили многочисленные представители других сословий Новгорода. Подавляющее большинство населяющих усадьбы людей жило не на своей земле. Все эти люди находились в разных формах

зависимости от владевших комплексом усадеб бояр. Вместе с тем боярский род, увеличиваясь с течением времени, сохраняет единство, которое проявляется в совместном владении комплексом этих усадеб. В конце XIV в. одной из усадеб комплекса владел сам Юрий Онцифорович, другой — его брат Максим, третьей — его сын Михаил, четвертой, по-видимому, — его брат Лукьян и т. д., но вместе все это составляло большое родовое владение.

В том, что, рассуждая так, мы стоим на правильном пути, убеждают некоторые особенности планировки новгородских концов. Рассказывая о землевладении Онцифоровичей в городе, мы заметили, что принадлежащий им комплекс усадеб со всех сторон окружен церквами, возникшими по инициативе владельцев усадеб. Об одной группе церквей в Новгороде кем-то было сказано, что они «кустом стоят». Вот такой «куст» мы видим и вокруг усадеб Онцифоровичей. Но, если внимательно рассмотреть план древнего Неревского конца, обозначив на нем все церкви — сохранившиеся и несохранившиеся, — мы обнаружим на нем и другие подобные «кусты».

К северу от комплекса изученных усадеб, на некотором расстоянии от них, например, имеется подобный «куст» — церкви Козмы и Демьяна на Холопьевой улице, Георгия на Борковой улице, Якова на Яковлеве улице и Мины на Даньславле улице. Не окружают ли они комплекс городских владений другого боярского рода Неревского конца, подобный комплексу усадеб Онцифоровичей? Любопытно отметить, что в ближайшем соседстве друг к другу оказались две одноименные церкви Козмы и Демьяна — одна на Козмодемьянской улице, связанная с Онцифоровичами, а другая на соседней Холопьевой улице, связанная с другим боярским родом. В этом противостоянии одноименных храмов виден некий элемент кичливого соперничества.

Новгородское боярство, владея в городе большими родовыми участками, представляло собой как бы систему кланов, территориальных гнезд, отделенных одно от другого, но несколько таких гнезд образовывало единство, называясь концом. Из летописных сообщений хорошо известно, что боярство каждого конца города было достаточно сплоченным. Борьба бояр за власть, за пост посадника, за возможность распоряжаться государственными доходами, ведущаяся на протяжении всего многовекового периода новгородской независимости, из столетия в столетие идет между концами, но не между боярскими кланами внутри концов. Концы вступают в союз друг с другом против другого конца или против такого же союза других концов. Причудливо меняется система этих союзов в зависимости от конкретных обстоятельств политической борьбы, но это всегда борьба концов.

Поэтому интересным оказывается происхождение самого слова «конец», обозначающего район города. В русском языке слово «кон», от которого происходит термин «конец», до сих пор имеет два значения — им обозначают рубеж, предел, но оно служит и синонимом слову «порядок». Мы привычно вкладываем в слово «конец» обозначение окраины, части целого, говоря, например, «Новгород делился на пять концов». Но в новгородских писцовых книгах при описании сельских местностей также употребляется слово «конец» в совершенно противоположном значении. Концом в них называется группа деревень, организационно объединенных, нечто вроде позднейшей волости. Не на концы делилась какая-то территория, а сам конец был формой объединения небольших населенных пунктов. «Не был ли когда-нибудь и сам Новгород Великий в подобном положении?» — спрашивал крупнейший советский историк Б. Д. Греков в опубликованном им до революции исследовании.

Наблюдения, сделанные благодаря открытию берестяных грамот Онцифоровичей, убеждают, что так оно, по-видимому, и было. Кончанская система Новгорода восходит к глубокой древности, к моменту возникновения в нем городской жизни, а, может быть, еще и к догородской стадии его истории. Можно представить себе примерную картину того времени. На участке земли, находящемся в частном владении одного из родовых старейшин, стоял его двор, окруженный пахотными, огородными и луговыми угодьями. На некотором удалении от него располагались другие подобные владения, принадлежавшие иным членам родовой господы. Все эти владения составляли организованное единство — конец.

С течением времени каждый клановый участок с расширением семьи и выделением ее членов в особые ячейки превращался в квартал боярских усадеб, а пространства между такими кварталами застраивались и самими боярами, и горожанами других сословий.

Отражением такого процесса, по всей вероятности, было существование рядом с кончанской административной системой в Новгороде административной системы сотен. Концы объединяли боярские гнезда, а сотни — усадьбы горожан из других сословий. Соответственно и посадник представлял бояр, а тысяцкий (начальник над соцкими) — житых людей (так в Новгороде назывались землевладельцы неаристократического происхождения), купцов и черных людей, сохранявших независимость от бояр. И хотя эти должности были выборными и представляли интересы другой социальной группы населения, бояре часто захватывали их, становясь соцкими и тысяцкими. Раньше нам было известно, что в XIV—XV вв. бояре стремились, если не удавалось получить посадничью должность, к посту тысяцкого. Берестяная грамота № 279, найденная на усадьбе

По сторонам древней
Козмодемьянской улицы
видны остатки построек
XIV в.



Максима Онцифоровича, начинается словами: «Поклон от старосте от Михале и от все Пашезерчев к сотьским — к Максиму, и ко Онании, и к Къстянтину...» Жители села Пашозеро, доньне существующего в восточной части Ленинградской области, на одноименном озере, из которого вытекает приток Свири река Паша, адресуются к Максиму Онцифоровичу как к соцкому. Значит, родной брат посадника Юрия Онцифоровича возглавлял находящуюся поблизости от его усадьбы сотню небоярских усадеб.

Стремление бояр всячески подчинить себе население окрестных сотен в летописи проявляется достаточно заметно, особенно начиная с первой половины XIV в. В этом наступлении на сотни кроме захвата сотенных должностей боярами используются еще две возможности. Первая — привлечение в помощь боярству церковной организации. Мы уже видели, что боярское гнездо окружается церквями. Если гнездо состояло из 10—15 усадеб, а на каждой усадьбе жило 20—30 человек, значит, в пределах боярского комплекса жило примерно 300—400 человек. Для такого числа людей хватило бы одной церкви, а не четырех, как у Онцифоровичей. Очевидно, поставленные на границе усадебных комплексов церкви были рассчитаны и на население ближайших сотен, недостаточно богатое, чтобы выстроить собственные храмы. В построенных Онцифоровичами церквях священники, состоящие на жалованье у владельцев боярского участка, получали возможность воздействовать на население сотен как на своих прихожан.

Другую возможность дает существование уличанской организации. Кроме городского веча и кончанских вечевых собраний в Новгороде существовали собрания уличан, т. е. жителей одной улицы, выбиравших своих уличанских старост и раскладывавших на всех владельцев усадеб повинности по мощению улиц, поддержанию их в чистоте и т. д.

Поскольку на улицу выходили частоколы и ворота разных усадеб — и боярских и сотенных, — само такое уличанское собрание, находясь под контролем могущественных бояр, несомненно, было важным средством подчинения сотен экономическим и политическим интересам кончанских бояр.

По своему происхождению любой клановый комплекс боярских владений в городе был как бы пережитком большой семьи древнейшего периода. Почему же бояре поддерживали этот пережиток? Из истории Новгорода хорошо известно, что это был город, в котором на протяжении столетий не прекращалась вооруженная борьба. Но это борьба даже в тех случаях, когда непосредственной ее причиной было классовое недовольство простых людей государственными порядками боярской республики, приобретала форму столкновения разных территориальных объединений Новгорода. Если борьба приводила к смене посадника, то в ходе столкновения на сторону существующих властей становился тот конец, родом из которого был правивший посадник. Другие концы выступали против него, выдвигая своих собственных претендентов на этот пост. Концы Новгорода боролись друг с другом, создавая изменчивые блоки, а победителем в такой борьбе в конечном счете становилась та или иная группа бояр, утверждавшая своего ставленника на посту руководителя государства. Во всех случаях конец выступал как цельная политическая единица.

Исследователей давно интересовал механизм политической борьбы в Новгороде. Была высказана, например, такая мысль. Разные районы города, возможно, населяли люди разной социальной принадлежности. В одних местах жили бояре, в других — купцы, в третьих — ремесленники. Поэтому столкновение территорий отражает расстановку классовых сил в новгородском обществе. Эта мысль опиралась

на особенности в названиях разных концов и улиц города. Полагали, что на Торговой стороне жили купцы, в Плотницком конце — плотники, в Гончарском конце — гончары, на Холопье улице — холопы, на Щитной — мастера, изготавливавшие щиты, и т. д.

Археологические раскопки развеяли эту гипотезу. И на Торговой стороне, и на Холопье улице открыты богатые боярские усадьбы, а следы ремесленного производства оказались характерными для любых участков древнего Новгорода. Более того, как об этом уже рассказано выше, выяснилось, что и боярские хоромы, и ремесленные мастерские во многих случаях располагались на одних и тех же усадьбах. Иными словами, стало очевидным, что значительная часть простого населения Новгорода зависела от бояр больше, чем принято было думать. Эти люди не имели своих дворов, а вынуждены были жить на земле, принадлежащей боярам, составляя, таким образом, один из элементов боярского родового участка.

Такой участок был организацией политического единства боярского рода, а с помощью уличанских и кончанских собраний — средством политического единства бояр целого конца. Но в то же время такая организация препятствовала политическому объединению трудового населения, например ремесленников. Разделенное частоколами боярских усадеб и родовых боярских комплексов зависимое от бояр население было лишено возможности объединиться по профессиональному и социальному признаку для коллективной защиты своих классовых интересов. Именно поэтому в Новгороде не возникло ремесленных цехов, а купеческие организации объединяли лишь самых богатых купцов, уже превратившихся в феодалов.

Простое население родовых боярских гнезд испытывало, нужно думать, еще более сильный классов-

вый гнет, нежели независимое население сотен, однако классовое недовольство боярских ремесленников и холопов всегда могло быть направлено в нужное боярам русло. Вы недовольны условиями своей жизни, говорили бояре, но ведь в ваших трудностях виноваты плохие правители. Их нужно свергнуть, а на их место посадить нас. Помогите нам в нашей борьбе за должность посадника или тысяцкого, и мы не забудем вашей помощи.

Схема народных восстаний в Новгороде на протяжении столетий однообразна. Простой люд поднимается на борьбу против усиления классового гнета, но в конечном счете оказывается помощником то одной, то другой боярской группировки, стремящейся утвердить во главе боярской республики своего ставленника. Таким образом, сама структура организации новгородского боярства препятствовала быстрому росту классового самосознания ремесленников, холопов, мелких торговцев.

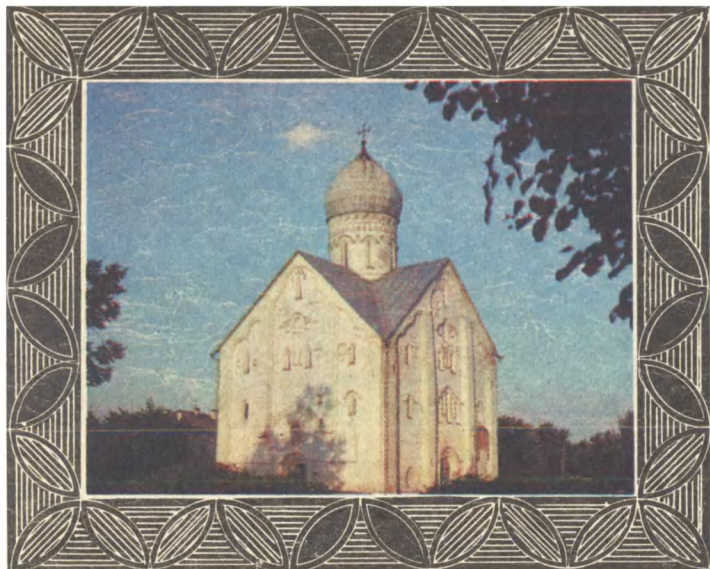
Береста пока не дает материала об отношении ремесленников к условиям их быта и об изменении этого отношения в процессе усиления боярского гнета, поскольку ремесленники жили в самом Новгороде и в берестяной переписке между ними и боярами не было необходимости. О формировании классового сознания трудового люда мы можем судить по письмам, связанным с крестьянским бытом. В 1973 г. при раскопках в Старой Руссе была найдена грамота № 10 (по старорусскому счету), написанная в XII в.: «Се грамота от Яриль ко Онание. В волости твоей толика вода пити в городищяных. А рушань скорбу про городищяне. Аже хоцьши, ополош дворяна, быша нь пакостил». Автор письма Ярила пишет владельцу волости Городище Онанию от имени рушан — жителей Русы. Надо полагать, что Ярила — видное лицо администрации Русы. В Городище голод, городищанам нечего есть, они могут «только воду пить», о чем

стало известно в Русе. «Если хочешь, настращай своего ключника, «дворяна», чтобы он не пакостил», — советует Ярила Онании. Это вполне доверительная переписка двух феодалов, основанная на полном взаимопонимании. Надо думать, ты сам виноват в том, что в твоей волости народ голодает, но ведь ты имеешь возможность свалить все на управляющего. Таков примерно ход мыслей Ярилы. Сами городищане молчат и ничего не требуют.

Спустя два века положение несколько меняется. По-прежнему плохо и голодно в деревне. Но крестьяне уже сами жалуются господину на свою тяжелую долю: «Поклон ко Юрью и к Максиму от всех сирот. Цто еси дал нам за клуцка, за нас не стоть, нас продать, и окрадони от ного есми... Аже ему будеть сидеть, намам сили ниту сидити. А да нам смирного человека. А на том тебе цолом» — «Поклон Юрию и Максиму от всех сирот. Что ты дал нам за ключника? За нас не стоит, обременяет нас поборами, и мы им ограблены... Если он будет и дальше сидеть, нам оставаться нет сил. Дай нам смирного человека. А мы тебе челом бьем» (грамота № 370). Или другая грамота начала XV в.: «Осподиню Михаилу Юрьвицу, синю посадницу, паробок твои Кля цоло бие. Како, осподине, пожалуеши волости. Половина пуста, и котор остались, ити хотя. Жалуби хотя, осподине, жалоби, осподине, подати убавити. А тоби, своему осподиню, цолом бию» — «Господину Михаилу Юрьевичу, сыну посадничьему, паробок твой Кля челом бьет. Как, господин, пожалуешь волости? Половина запустела, а те, которые остались, уходить хотят. Жаловаться хотят, господин, жаловаться, чтобы ты, господин, подати убавил. А я тебе, своему господину, челом бью» (грамота № 301). По-прежнему между господином и крестьянином в таких письмах — а их найдено уже немало — стоит ключник, в котором до поры до времени крестьяне видят главного виновника своего

тяжелого положения, уповая на доброту и справедливость господина.

Лишь в XV в., когда боярство в целом пришло к власти, организовав верховный орган республики с участием представителей всех боярских кланов, наступили всеобщее прозрение и разочарование. Народный гнев тогда был направлен не против отдельных бояр, а против всего боярского сословия. Именно тогда впервые стали говорить обо всех боярах как о супостатах «простой чади», о несправедливом боярском суде, отсутствии закона. И тогда, в эпоху последнего столкновения боярского Новгорода с великокняжеской Москвой, республика бояр не нашла поддержки у «простой чади» — гончаров и сапожников, плотников и кузнецов, отказавшихся воевать за своих господ.



«Напиши мне шестокрылых ангелов...»

Поразительной особенностью средневекового Новгорода было громадное число в нем церквей. Во время присоединения Новгорода к Москве в конце XV в., когда Иван III энергично осваивал доставшееся ему новгородское наследство, были составлены многочисленные писцовые книги, исчисляющие недвижимое имущество и доходы с него. В числе этих документов имеется и роспись всех новгородских церквей. В ней перечисляется 84 больших храма и 79 маленьких, придельных, пристроенных к большим церквам или

Церковь Спаса на Ильине

устроенных внутри них. Историки по-разному определяют число жителей в средневековом Новгороде — от 10 до 20 тыс. человек. Если даже остановиться на средней цифре — около 15 тыс., — получается, что один алтарь приходился менее чем на сто жителей. Но, кроме того, в Новгороде и ближайших к нему окрестностях существовало несколько десятков монастырских церквей.

Казалось бы, изобилие церквей должно свидетельствовать об особой набожности новгородцев, которая неизбежно в таком случае должна отразиться и в берестяных грамотах. Между тем число богослужебных текстов на бересте минимальное. За все время раскопок их было найдено всего три или четыре на пятьсот с лишним писем, касающихся сугубо житейских дел. В числе этих текстов оказалась и единственная пока в Новгороде берестяная книжечка, написанная и потерянная во второй половине XIII в. Эта книжечка размером пять на пять сантиметров и объемом в семь исписанных страниц содержала текст молитвы, которую пели во время богослужения очень редко — один раз в восемь недель. Такая книжечка служила ее владельцу как бы шпаргалкой.

Таким образом, характер берестяных грамот и число церквей в Новгороде находятся в явном противоречии друг с другом. Грамоты вовсе не отмечают особой религиозности горожан. В чем же причины столь широкого церковного строительства в Новгороде? Их, надо думать, следует искать в иных обстоятельствах.

Одно из этих обстоятельств рассмотрено выше. Бояре окружали свои родовые гнезда церквями, используя зависимых от них священников для воздействия на свободное население независимых кварталов-сотен. Другое обстоятельство открывают берестяные грамоты.

При раскопках на древней Ильиной улице в слое XV в. была найдена грамота № 413: «Челобитье от Смена к попу Ивану. Чоби еси моего москотья моего пересмотреле, дадбы хорь не попортиль. А я тоби, своему осподину, челом бию в коробки. А послал есмь ключь Стопаном. А помитка горностааль».

Степан называет попу Ивана своим «господином», но, как это ясно из дальнейшего, в данном случае употреблена лишь вежливая форма, подобная позднейшим уважительным оборотам русской переписки. Семен бьет челом попу Ивану «в коробке», т. е. просит его относительно какой-то коробки, ключ от которой он послал попу Ивану со Степаном. Степан, по-видимому, привез от него и это берестяное письмо. В коробке хранится какое-то «москотье», которое может попортить — если только еще не попортил — «хорь». За заботу о содержимом коробки Семен обещает попу в подарок горностаевый мех.

Станным, на первый взгляд, кажется здесь упоминание «хоря». Хорь, или хорек, питается птицей и мелкими зверьками, которые вряд ли могут находиться в коробке под ключом. Объяснить содержание грамоты мог бы термин «москотье», но он встречен в древнем тексте впервые. Имеется, правда, в договоре Новгорода с магистром Ливонского ордена, заключенном в 1481 г., такая фраза: «А приедет новгородец на Ругодив с воском, или с белкою, или с москотильем...» Но эта фраза не объясняет ничего, кроме того, что загадочное «москотье» или «москотилье» было одним из важнейших товаров на международном рынке. Объяснить этот термин позднейшим понятием «москательный товар» вряд ли возможно: так назывались красильные и аптечные припасы, употребляемые в разных ремеслах. Такие припасы никогда не играли важной роли в новгородской торговле с Западной Европой. К тому же и хорь никак не мог питаться ими. В XVII в. документы упоминают «мо-

скотинный товар», под которым подразумеваются ткани и мелкие изделия из них. Но при чем тут хорь?

На помощь приходит Толковый словарь В. И. Даля. В нем среди значений слова «хорь», кроме общеизвестного «хищный зверек», имеется еще и такое: «моль платяная». Вот теперь все встало на место. «Москотьем» назывались ткани, а Семен просит попа Ивана пересмотреть эти ткани, хранящиеся в запертой коробке, — не начала ли их тратить моль? Но почему же этим должен заниматься поп?

В грамоте № 177, написанной в XIV в. Максимом Онцифоровичем, в частности, говорится: «Поклон от Максима ко попу. Дай ключи Фоми...» Если только Максим не доверил попу ключей от собственных хором, то и в этом случае речь идет о необходимости войти в церковь тогда, когда там нет богослужения, т. е. об аналогичном случае.

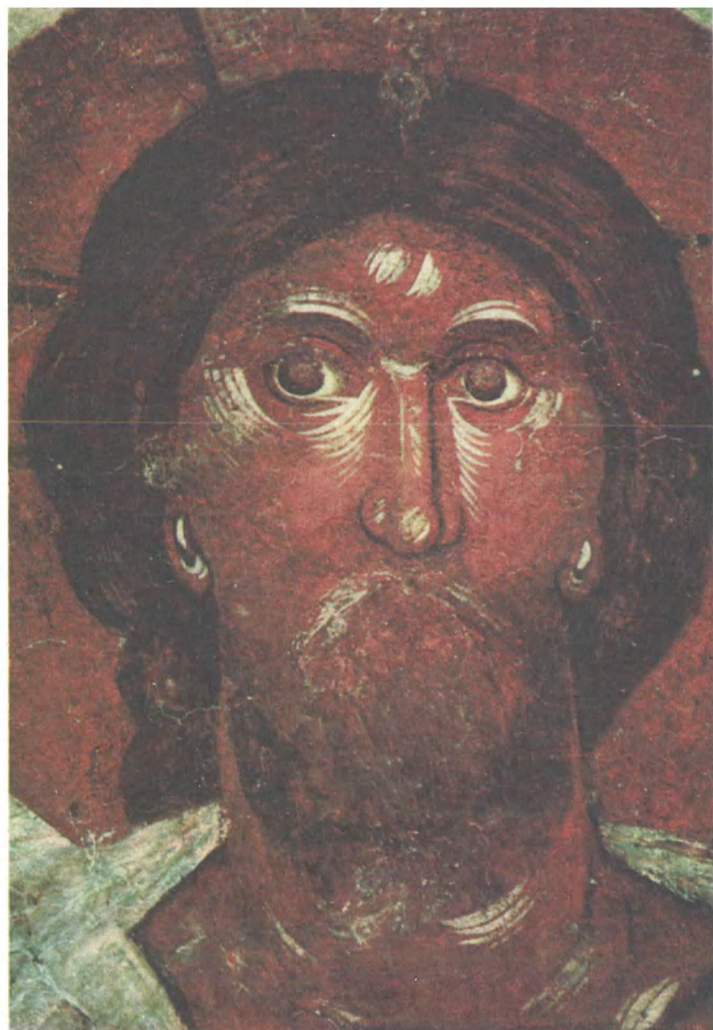
На вопрос, какое отношение к товару, почему-то оказавшемуся в церкви, имеет поп, помогает ответить одна летописная фраза. Описывая страшный пожар 1293 г., во время которого, воспользовавшись всеобщим смятением в городе, «злые люди» занимались грабежом и «что в церквах, а то все разграбиша», летописец добавляет: «...в святом Иване над товаром сторожа убиша». Значит, церковь использовалась не только для богослужения, но и для хранения наиболее ценных товаров. И это более чем естественно в деревянном городе, где пожары вспыхивали постоянно, пожирая незащищенные от огня дома и усадьбы и вылизывая сосновые настилы мостовых. Гибель в огне была естественным концом любого деревянного дома, что хорошо заметно во время раскопок. Иные описанные в летописи пожары были настолько грозными, что огонь перебегал по ладьям на противоположную сторону Волхова, а люди спасались от нестерпимого жара, стоя по горло в реке или укрываясь в колодцах, которых в Новго-

Спустя 200 лет
после Олисея Гречина
в Новгороде работал
гениальный
Феофан Грек.
Это одна
из его фресок.

роде было очень мало. В этом пламени сгорали книги и иконы, плавилась ювелирные украшения и в золу превращались затейливые узоры резного убранства домов. Опасность пожара была повседневной и неотвратимой. Именно она, в частности, вызвала необходимость хранить деньги в земле; потому в лесной и в лесостепной полосе нашей страны находят так много древних монетных кладов. Но в землю не спрячешь меха или дорогие ткани. Своего рода «несгораемыми ящиками» для их хранения служили каменные церкви. В средневековых церквях Новгорода всегда можно увидеть в стенах ниши и нишки, в которых некогда находились такие ценности. А позднее, уже в XVI в. церкви строились в два или даже в три этажа, причем нижние этажи целиком отводились для хранения дорогих товаров, были прежде всего складскими помещениями.

Можно было предполагать, что число религиозных текстов значительно увеличится, если раскопками будет затронута усадьба духовного лица. Во время работ на Неревском конце небольшой участок, на котором во второй половине XIII в. жили священники, был однажды обнаружен. Как раз на нем и были найдены обрывки немногочисленных текстов церковно-литературного содержания. На этом участке, входившем в состав усадебного комплекса Онцифоровичей, скорее всего располагались священнослужители одной из построенных Онцифоровичами церквей.

Целая усадьба церковников была открыта на древней Черницыной улице в Людине конце во время



раскопок 1973—1977 гг. Она имела громадную площадь, такую же, как любая боярская усадьба, а связь ее с церковью прослеживалась на протяжении длительного периода — с середины XII до XIV в.

Сначала эта связь проявилась в особенностях состава вещевых находок. Рядом с обычной утварью здесь стали встречаться не вполне обычные предметы: обломок паникадила — большого светильника, помещавшегося в центральной части храма, обрывки вышитых золотой нитью церковных облачений, золотые украшения священнических риз, обломки бронзовых тисненых окладов для икон. Связь владельца усадьбы с церковью подтвердилась несколько неожиданным путем. В слое середины XII в. здесь были обнаружены остатки большого деревянного дома, который, как и почти все северные русские дома, был двухэтажным. В верхнем этаже домов располагались жилые комнаты; в нижнем, называемом подклетом, было холодное помещение для разного рода хозяйственных нужд. В Новгороде во время раскопок было открыто больше тысячи остатков подобных домов, но только в этом пол нижнего этажа вскоре после сооружения дома был выстлан кирпичом — плинфой, которая тогда употреблялась только для строительства церковей. Дендрохронологический анализ остатков этого дома позволил установить дату его сооружения: 1149 г. Взять кирпич со строительства церкви к себе на усадьбу для ее благоустройства мог, по-видимому, только священник.

В изобилии встречались здесь и берестяные грамоты. Всего за пять лет раскопок усадьба на Черницыной улице дала сорок один берестяной документ. Из них двадцать самым убедительным образом подтверждали принадлежность владельцев усадьбы к духовному сословию потому, что это были никогда не встречавшиеся ранее церковные поминания. Протицирую одно из них — грамоту № 508:

«Иосиф, Онуфрио, милостиви на сиа: София, Федосия, Улияна, Пелагия, Деметре, Павело, Оводокия, Офимию, Гюръги, Мирофа».

Святые Иосиф и Онуфрий отмечаются в церковных службах в один и тот же день — 4 января по старому стилю. В этот день священнику, жившему на раскапываемой усадьбе, была подана берестяная записка с молитвой, обращенной к этим святым и призывающей их милость на большую группу богомольцев, названных здесь по именам.

Кто же был хозяином этой усадьбы? Уже в первый год раскопок удалось установить имя ее владельца, жившего здесь в конце XII — начале XIII в. Из прослоек этого времени была извлечена грамота № 502 с таким текстом: «От Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вѣнидѣте Гавѣко Полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. А тѣ ти видѣло, како ти было, и я Ивана ялъ, постави и пѣредь людьми. Како ти взмоловить».

Перевод этого достаточно трудного для восприятия текста звучит так: «От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко Полочанин (житель Полоцка). Потребуй от него ответа, где он остановился. Ведь ты это видел, как получилось, когда я Ивана схватил и поставил его перед свидетелями. Как он ответит?» Грамота связана с судебным разбирательством по делу какого-то Ивана, свидетелем по которому — по-видимому, на стороне Ивана — должен выступить Гавко Полочанин. Мирослав советует Олисею Гречину, когда войдет Гавко, спросить у него, где он в Новгороде остановился. Вероятно, от его ответа («какo ти взмоловить») зависит дальнейший ход следствия. Нужно полагать, что эта записка написана и передана адресату во время судебного заседания непосредственно перед допросом Гавки, а Мирослав и Олисей Гречин были членами суда, рассматривавшего дело Ивана.

Три обстоятельства кажутся немаловажными для установления личности автора и адресата записки: место находки документа, фигурирующие в нем имена и сама причастность Мирослава и Олисея к судебному следствию.

Кстати, уже позднее, в 1976 г. в тех же слоях усадьбы на Черницыной улице была найдена берестяная грамота № 531, подтверждавшая связь владельца усадьбы с судом. На двух сторонах длинного листа бересты мы прочли письмо некой Анны брату Клименту. Анна просит Климента вмешаться в ее судебный конфликт с Коснятином. Коснятин обвинил ее и членов ее семьи в том, что они злоупотребили его доверием, отдавали находящиеся у них деньги Климента в долг под проценты, извлекая в свою пользу доход, и при этом оскорбил Анну и ее дочь. По закону Анна имеет право предъявить встречный иск и требовать от Коснятина уплаты штрафа. Брат же должен заступиться за свою сестру. К населению усадьбы никто из названных лиц не имеет отношения. По-видимому, письмо Анны было принесено сюда в связи с рассмотрением ее дела.

Как уже нам известно, грамота № 502 найдена на усадьбе церковников. Поэтому в поисках адресата наиболее интересны имена духовных лиц, причем не рядовых священников, на что указывает величина усадьбы на Черницыной улице. Само прозвище «Гречин» также ведет к мысли о принадлежности его владельца к духовенству: греки в средневековой Руси чаще всего бывали связаны с церковью. В частности, в Новгороде по письменным источникам известно пять Гречинов. Из них трое были художниками, писавшими фрески: Гречин Петрович в XII в., Исайя Гречин и Феофан Грек в XIV в., а два — церковные деятели: Савва Гречин в середине XIII в. был попом церкви Константина и Елены, а потом стал новгородским архимандритом, а еще один Гречин, которого

летописец не называет по имени, — кандидатом в новгородские архиепископы. Этот последний и интересует нас в первую очередь потому, что он жил на рубеже XII—XIII вв.

Новгородская летопись под 1193 г. рассказывает о событиях, последовавших за смертью новгородского архиепископа Гавриила. Когда решался вопрос о его преемнике, новгородцы назвали трех кандидатов: Митрофана, Мартирия и Гречина. Новый владыка по новгородской традиции избирался жеребьевкой, и счастливый жребий был вытянут в пользу Мартирия. О Гречине в этом рассказе говорится, что он не впервые выдвигался на пост архиепископа и, значит, так же неудачно для себя участвовал в жеребьевке в 1186 г., когда умер предшественник Гавриила, его родной брат архиепископ Иван-Илия. Гречин в летописи не назван по имени, но само по себе это немаловажно. Надо полагать, что в конце XII в. в Новгороде был только один Гречин, пользующийся столь высоким авторитетом.

Если отождествление адресата записки с Гречином летописного рассказа справедливо, то в авторе грамоты № 502 — Мирославе нужно предполагать лицо, носящее достаточно высокий сан в структуре новгородского общества того времени. Единственный человек по имени Мирослав рубежа XII—XIII вв., который может претендовать на авторство документа, — знаменитый боярин и герой новгородской истории посадник Мирошка (Мирослав) Нездинич.

Мирошка Нездинич был избран на посадничество в 1189 г. Спустя семь лет новгородцы отправили его во главе посольства в Суздаль к могущественному князю Всеволоду Большое Гнездо с требованием прислать в Новгород на княжение сына вместо другого ставленника Всеволода князя Ярослава Владимировича, которого новгородцы возненавидели «злобы ради его». Всеволод схватил Мирошку, что привело к

изгнанию из Новгорода князя Ярослава. В плену у Всеволода Мирошка находился до конца 1197 г., «сидев 2 лета за Новгород», и его возвращению, как сообщает летописец, «рады быша Новегороде вси от мала до велика». В 1199 г. Мирошка снова ездил во главе новгородского посольства к Всеволоду за новым князем Святославом Всеволодовичем, добившись удовлетворения новгородских требований. Умер он в 1203 г., приняв перед самой смертью пострижение в монахи в Юрьевом монастыре; в этом монастыре он и был похоронен со всеми почестями.

В приведенных сопоставлениях имеется одно слабое место. **А вдруг записка Мирослава Гречину оказалась на раскапываемой усадьбе случайно и не имеет к ней прямого отношения? Кто-либо из посетителей поповского двора бросил ее здесь, или занесло ее с улицы порывом ветра. Тогда и характеристика усадьбы не имеет никакого отношения к личности адресата.**

Понятным поэтому оказывается то удовлетворение, которое мы испытали летом 1977 г., когда в том же слое был найден небольшой берестяной ярлык с надписью: «Грицьнь» — «Гречин». Подобные ярлыки при раскопках уже встречались, они привязывались к разным предметам, если, посылая такой предмет, нужно было обозначить имя получателя. Эта находка окончательно подтвердила принадлежность усадьбы на Черницыной улице в конце XII в. Олисею Гречину.

Прошло несколько дней после находки ярлыка, получившего в общем счете берестяных грамот номер 546, и на лабораторный стол экспедиции легла грамота № 549, найденная на том же участке. Она началась словами: «Покланяние от попа къ Грыциноу». Владелец усадьбы поп Олисей Гречин получил письмо от другого попа, и это вполне естественно. Нужно думать, у попов было немало общих дел,

нуждающихся в обсуждении. Какое же дело побудило неизвестного нам по имени попа написать Олисею? Обычное для Олисея, но совершенно неожиданное для нас:

«Поклоняние от попа къ Грьциноу. Напиши ми шестокриленая ангела 2 на довоу икоунокоу, на верьхо деисусоу. И цюлоую тя. А богъ за мездоу или лади вься» — «Поклон от попа к Гречину. Напиши мне двух шестокрылых ангелов на две иконки, на верх деисуса. И целую тебя. А бог вознаградит или как договоримся». Здесь одно слово, нуждающееся в объяснении, — «деисус». Так называлась иконописная композиция, помещавшаяся обычно в иконостасе, отделяющем служебную часть церкви от помещения для молящихся.

Итак, Олисей Гречин — не только поп, но и художник-иконописец, который писал иконы за плату, но мог позволить себе писать их и безвозмездно. Что это было для него не случайным занятием, показали следующие берестяные находки.

Грамота № 553 была написана на двух сторонах случайного листа бересты — обрезанного по краям днища небольшого лукошка. На одной стороне обычное поминание: «Лука, Иоанн, Кюрил, Стефано, София, Мануила, Мария, Феларь, Мария, Мария, Василий, Иоанн...» На другой стороне иным почерком написан еще один ряд имен, но расположены они колонками — так, как обычно писали на иконах по сторонам изображений святых.

Я	Гр	Ис	Хс	Ф	За
н	и			е	ха
а	г			д	ри
	о			о	и
	р			с	
	и			и	
	и			и	

Если бы в центре этой надписи не было инициалов Христа, можно было бы предположить, что это тоже поминание, только несколько манерно написанное. Но в поминаниях записывались имена людей, о здравии или за упокой души которых надлежало молиться, а не имя бога. Поэтому объяснить надпись оборотной стороны берестяной грамоты № 553 возможно только одним способом. Олисей Гречин, получив как поп поминальную записку для прочтения ее во время богослужения, уже как художник на ее обороте записал композицию заказанной ему иконы. Нужно было написать в центре иконы Христа, а по сторонам его попарно Анну и Григория, Феодосия и Захария. Повидимому, это все святые, одноименные членам семьи заказчика, ангелы-хранители живших в конце XII в. людей, которых звали Анна, Григорий, Феодосий и Захария.

Затем последовала находка грамоты № 558, написанной той же рукой, что и грамота № 546. Она началась словами: «От попа от Минь ко Грьциноу» — «От попа Мины к Гречину». В грамоте № 546 поп не назвал себя по имени; оказывается, его звали Миной. «А боуди семо ко Петровоу дњи съ икоунами усьтримо» — «Будь здесь с иконами к Петрову дню, не мешкая». Трудно сказать, идет ли здесь речь о тех же самых иконах, о которых мы знаем из грамоты № 546, но это снова письмо, адресованное художнику.

Если берестяные грамоты открыли нам имя неизвестного ранее художника и тождество его с видным священником, известным по летописному сообщению, то весь остальной комплекс находок его усадьбы убедил в том, что занятия живописью были у него не случайным, второстепенным увлечением, а второй профессией.

В комплекс находок, во-первых, входит не меньше десяти заготовок для маленьких икон. На

некоторых из них сохранились следы краски. Значит, в земле оказались не только заготовки, но и остатки уже написанных иконок. Во-вторых, на усадьбе найдено множество небольших кусочков янтаря, такие не могли быть остатками производства ювелира или сырьем для изготовления украшений. Спекшиеся массы янтарных кусочков обнаруживались в глиняных горшках, к которым они прикипели, и в холщевых свертках. Такой янтарь мог быть пригоден только для художника. С добавлением янтаря варилась олифа, которой покрывали поверхность живописи сразу после того, как икона была написана. Но янтарь добавляли в масло, а масло — оливковое или конопляное — привозили издалека, из южных районов Руси и из Крыма. Значит, кроме самого янтаря на усадьбе художника должны были оказаться и осколки глиняной тары, в которой с юга везли в Новгород масло. Действительно, на усадьбе Гречина обломки амфор южного типа — именно они служили основной тарой для транспортировки с юга масла — обнаруживались в изобилии. Найдены были здесь и кусочки краски, запас пережженного привозного камня — возможно, малахита, — который перетирали на краску, а также маленькие сосуды для краски. Все эти предметы концентрировались в развале большого деревянного дома явно производственного назначения, в котором можно угадывать здание иконописной мастерской.

Иконописание на усадьбе Гречина дополнялось связанными с ним ремеслами. Были найдены многочисленные обрезки тонкой листовой бронзы, из которой изготавливались нарядные орнаментированные оклады для икон, и обломки самих окладов. Чтобы обрезки меди не пропадали без пользы, здесь же было налажено и производство из них бубенчиков, все стадии изготовления которых можно наблюдать и изучать на материалах раскопок.

Итак, впервые археология вошла в соприкосновение с искусством живописи. До сих пор мы имели дело с боярами и купцами, со священниками и ростовщиками, с ремесленниками разных профессий и крестьянами, с рыболовами и охотниками, но никогда еще береста не приводила нас во двор художника, творца высокого искусства, создателя художественной славы Новгорода. Мы узнали его имя, не отмеченное в истории русского искусства.

Но, может быть, он не отличался большим талантом, потому и не был отмечен современниками? Возразим на это сомнение, обратившись к летописи. Выше уже был упомянут новгородский художник Гречин Петрович, живший в XII в. Обратим внимание на дату, под которой он упоминается в рассказе летописца, — 1196 г. «Томь же лете, — сообщается в Новгородской летописи, — испьса церковь на воротех архиепископ Мартурии святыя Богородицы, а писецъ Грьцин Петровиць» — «В том же году расписал архиепископ Мартирий надвратную церковь Богородицы, а художник был Гречин Петрович». Имеется в виду каменная церковь Богородицы на Пречистенских воротах новгородского Кремля, которую построили в 1195 г. Теперь рассмотрим всю цепочку фактов: церковь Богородицы расписана в 1196 г., неподалеку от нее находилась усадьба Гречина, жившего в те же самые годы и бывшего священником; на его дворе обнаружены остатки иконописной мастерской. У нас имеются все основания предположить, что Олисей Гречин, владелец этой усадьбы, и Гречин Петрович, автор росписей надвратной церкви, — одно и то же лицо, полным именем которого было Олисей Петрович.

Был ли он Гречином, т. е. греком, по прозвищу или по происхождению? Ответить на этот вопрос позволяет найденная на его усадьбе в 1977 г. еще одна берестяная грамота — № 552, в которой по-гре-

чески, с соблюдением правил греческого письма написано: «Меркурию святому воину». Это, по-видимому, еще один заказ, записанный художником, который, таким образом, был греком, на родном языке. Меркурий был покровителем Смоленска, как София — покровительница Новгорода. Поэтому можно предполагать, что эта грамота относится к 1210 г., когда в Новгород из Смоленска был приглашен знаменитый князь Мстислав Мстиславович Удалой.

Берестяные грамоты, как кажется, позволяют сказать кое-что и о семье Олисея Гречина. В грамоте № 548, обгоревшей с одного края и найденной в слоях 80-х или 90-х годов XII в., речь идет о каком-то сложном конфликте. По Новгороду распространились слухи о том, что некие Моислав и Микита, которым адресована эта грамота, захватили и спрятали товар какого-то Олексы. Автор письма советует им вернуть товар и восстановить свою репутацию. Один из адресатов письма — Моислав известен летописцу, который под 1194 г. рассказал, что новгородцы ходили в неудачный поход на Югорскую землю в Приуралье, потерпели поражение, а на обратном пути казнили Моислава Поповича, несправедливо заподозрив его в измене. Как видим, Моислав был поповичем, но ведь письмо найдено на усадьбе Олисея Гречина, который был попом. Другое важное обстоятельство: когда спустя полтора столетия, в 1365 г. рядом с бывшей усадьбой Олисея Гречина была выстроена каменная церковь Троицы, летописец сообщил, что она сооружена «югорцами», т. е. новгородцами, имеющими дела с югрой, с управлением Югорской землей. Если Моислав действительно был сыном Олисея Гречина, то мы видим, как уже следующее после Олисея поколение превращается из греков в русских людей. Это, между прочим, касается и судеб византийского искусства на Руси. Историки

живописи давно уже заметили, что приезжавшие в Русь византийские художники — «греки» очень быстро впитывали местные влияния и становились выразителями новгородских, суздальских или московских традиций, обогащая их собственным опытом.

Открытие художественных мастерских при археологических раскопках возможно и в дальнейшем. На Ильинском раскопе еще в 1964 г. в слое середины XII в. была обнаружена деревянная заготовка для маленькой иконки, подобная тем, что позднее найдены на Черницыной улице. На двух ее сторонах, обрамленных высоким бортиком, нет изображений. Их не успели сделать. А может быть, они и были сделаны, но полностью разрушились во влажной почве. Вместо изображений каждая сторона расчерчена на четыре четверти, и в каждой четверти помещены надписи. На одной стороне в верхнем углу написано: «Иесуса ту написить», в верхнем правом: «Богородицу», в нижнем левом: «Онуфрия ту напи-си», в нижнем правом: «Феодора Тирона». На другой стороне также четыре надписи. В левом верхнем углу: «Михаила», в верхнем правом: «Евана», в нижнем левом: «Климентя», в нижнем правом: «Макария». По-видимому, заказчик назвал святых, изображения которых он хотел бы видеть на маленькой походной иконке.



Берестяная почта столетий

Мы познакомились с некоторыми берестяными письмами, найденными в Новгороде, и с теми возможностями, которые они дают для изучения средневековой истории, для понимания не только бытовой обстановки прошлого, но и самих процессов развития новгородского общества. Главная ценность этих документов в том, что они максимально расширяют границы нашего познания прошлого, будучи источниками универсальными. Наполненные заботами одного дня, их тексты отражают все разнообразие

Кремлевская стена с башнями

этих забот, а сумма уже найденных берестяных грамот способна дать представление о взаимосвязи людей, живших в одно время, и о связи поколений.

Если каждый берестяной документ можно сравнить с небольшим осколком зеркала, навсегда запечатлевшим крохотную, случайно отразившуюся в нем частицу давно исчезнувшего мира, то, собрав их вместе, объединив с известными ранее письменными источниками и открываемыми каждый год археологическими комплексами, мы уже сегодня можем мечтать о том, что придет время, когда разбитое зеркало будет собрано так, что в нем будет виден весь средневековый Новгород, в живых подробностях и деталях.

Можно позавидовать будущим историкам, которые сведения об истории Новгорода, его экономике, политике, культуре будут черпать не из сотен, а из тысяч берестяных документов, получив возможность ставить и решать такие проблемы, которые сейчас мы не способны даже предугадать.

Чтение любого вновь найденного берестяного листа — это всегда соприкосновение с чудом. Прошли столетия, в которых жили, работали, мечтали, радовались, мучились и умирали люди, имена и мысли которых угасли вместе с ними. Их помнили дети, смутно припоминали внуки, а уже во времена правнуков память о них стиралась, казалось бы, бесследно, и никто на земле не знал и не мог знать о человеке, когда-то прожившем свою, подчас нелегкую, жизнь. И вот спустя века из небытия воскрешены эти люди, становятся известными их имена, звучит их речь, повествуя нам о наполнявших их заботах быстротекущего дня, и мы вступаем в непосредственный контакт с ними, становясь их новыми адресатами.

Из глубины веков, из глубины пластов каждое лето идут к нам письма наших предков. Берестяная почта столетий бесперебойно работает уже больше

четверти века, принося людям XX столетия корреспонденцию, не востребовавшую со времен средневековья.

Эта мысль порой теряет характер иносказания. Летом 1959 г. при раскопках на Неревском конце в слое рубежа XIV—XV вв. были найдены вложенные одна в другую берестяные грамоты № 363 и 364, написанные одним почерком, но адресованные разным людям. Их автор Семен одно письмо написал Сидору, а другое — своей невестке. «А грамота к тебе с моим детиною», — пишет он Сидору. Поскольку письма так и не разошлись по адресатам, а вместе попали в землю, нужно полагать, что «дети́на» потерял их, так и не выполнив поручения Семена. И именно мы, археологи, оказались первыми получателями и читателями некогда написанных Семеном грамот.

Не менее любопытной была случайная находка 1974 г. Работница строительного управления Р. П. Филатова, копая яму для столба новой ограды водопроводной станции на берегу Волхова на Торговой стороне, обнаружила толстый свиток исписанной бересты и принесла его археологам. Когда свиток был опущен в горячую воду, вымыт и развернут, оказалось, что в нем заключены три берестяных листа, в том числе и самая большая грамота, когда-либо найденная к сегодняшнему дню. Она имела полметра в длину, двадцать сантиметров в ширину и была сплошь исписана огромным пятнадцатистрочным текстом. Вместе с другим листом — поменьше — эта грамота (№ 519 и 520) — составляла черновик завещания некоего Моисея, жившего в городе Порхове в начале XV в. и владевшего землями по реке Шелони и ее притокам. Многие из сел, упомянутых в ней, существуют и сегодня. Черновик завещания был завернут в третий полуметровый лист бересты (грамота № 521), на котором Моисей сделал

несколько записок, в том числе набросок любовного письма, список своих должников и запись о том, как он был ограблен при посещении своих владений.

Любое завещание, чтобы получить официальную силу, должно быть написано на пергамене и снабжено печатью архиепископского наместника. Можно догадываться, что Моисей привез в Новгород свой черновик, чтобы заняться его оформлением, и потерял его вместе с тем листом, в который он был упакован. Наверное, он потом составил новый черновик и утвердил его, но документ, написанный им в Порхове и привезенный в Новгород, первыми читали спустя пять с половиной веков археологи, а не владычный дьяк, на свидание с которым ехал Моисей.

Как видим, берестяные грамоты иногда обнаруживаются не при раскопках, а во время строительных работ. Таких документов в Новгороде найдено свыше двадцати. Единственная пока в Витебске берестяная грамота также была найдена строителями при рытье котлована. Сейчас в нашей стране принят закон, согласно которому в древних городах на участках, важных для исторического исследования, до начала строительства должны работать археологи. И в Новгороде впредь котлованы будущих зданий будут вскрываться не ковшом экскаватора, а лопатой археологов.

И тем не менее не всегда в городе, развивающемся, растущем, строящемся, где одновременно ведутся многочисленные работы не только по сооружению домов, но и по прокладке и ремонту подземных сетей — водопровода, канализации, телефона, газовых труб, — будет возможным закладывать раскопы во всех местах таких работ. Два десятка берестяных грамот, найденных в Новгороде не в процессе раскопок, обнаружены главным образом школьниками, желавшими оказать помощь науке об их родном городе. Разумеется, берестяная грамота, найденная

при случайных обстоятельствах, теряет важное для историка качество — она оторвана от комплекса окружавших ее вещей, она потеряла связь с той усадьбой, на которой некогда была получена. Но в ней сохраняется ее текст, который сам по себе может служить ценнейшим историческим источником.

Ровно 600 лет назад новгородец Яков в берестяном письме своему куму и другу Максиму Онцифоровичу написал: «Пришли мне чтения доброго». Его современник Фалей в письме Есифу сообщил: «Послал язю к тоби беросто, написав» — «Я послал тебе бересту, написав». Повторяя вслед за Яковом: «Пришли мне чтения доброго», мы знаем, что тысячи листов испи-

санной бересты посланы не только одними
новгородцами другим, но и из одного
времени в другое. Эти
письма — в пути. Будем
же вместе ждать
новостей из
прошлого.



Берестяная почта столетий

Валентин Лаврентьевич
Янин

Для среднего и старшего
школьного возраста

Художник
В. Варлашин

Редактор
О. Владимирская

Фото:
В. Гишпенрейтер
В. Лобанов
В. Монин
С. Орлов
А. Стребков
Макет
художника
В. Варлашина

Художественный редактор
Н. Комарова

Технические редакторы
О. Самойлова,
И. Пономаренко

Корректор
Р. Семченкова

ИБ № 288

Сдано в набор 6.04.78.
А10044. Подписано в пе-
чать 4.12.78. Формат
70 × 100/32. Бумага офсет-
ная № 2. Усл. печ. л. 5,16.
Уч.-изд. л. 5,59. Тираж
200 000 экз. Печать оф-
сетная. Гарнитура «Экс-
цельсior». Заказ № 1647.
Цена 25 коп.

Издательство «Педаго-
гика» Академии педаго-
гических наук СССР и
Государственного коми-
тета СССР по делам из-
дательств, полиграфии и
книжной торговли.
Москва, 107847, Лефор-
товский пер., 8.
Ордена Трудового Красно-
го Знамени Калининский
полиграфический комби-
нат Союзполиграфпрома
при Государственном ко-
митете СССР по делам
издательств, полиграфии
и книжной торговли.
г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Содержание

Новгород глазами
археолога

3

Откуда мы знаем
о прошлом

18

Новгород, открытый
археологами

26

Береста заговорила

40

Посадник Юрий
Онцифорович
и другие

56

Слово мальчику
Онфиму

72

Усадьба и город

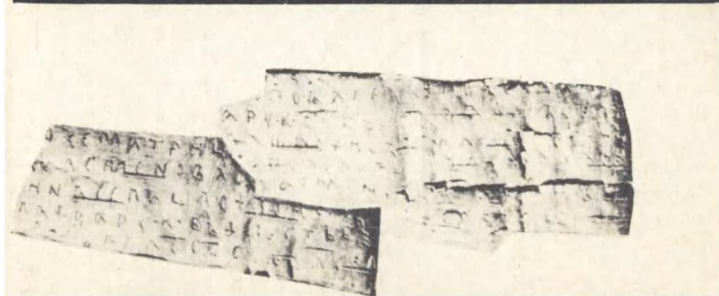
90

«Напиши мне
пестокрылых
ангелов...»

106

Берестяная почта
столетий

123



**Читайте
следующую
книгу
библиотеки**

«Ученые — школьнику»!



**Из книги вы узнаете о
многомиллионной армии
тружеников, старающихся
наполнить ваши тарелки,
а также о непрошенных
гостях, отнимающих у вас
ложку за ложкой. И кто из
них самые прожорливые?
Бактерии, представьте себе!**



**Прочтете о телятине без телят,
о хлебе не из зерна, о
микробах воспитанных
и дурно воспитанных, о икре
черной, голубой и зеленой,
но на вкус одинаковой.**



**Вас познакомят с узорными
формулами, с молекулами,
похожими на бусы, серьги
и гирлянды. И в самом
сложном вы научитесь
находить азбучно простое.**



**Вы узнаете, что в тысяче
блюд всего лишь четыре
вкуса, зато ароматов
несчетное множество:
159 запахов у одного только
поджаристого каравая.**



**Книгу «Пища будущего»
написали для вас
ученые: академик
А. Н. Несмеянов и доктор
биологических наук
В. М. Беликов.**